

УЧЕБНИКИ ВШЭ

И.Н. ДАНИЛЕВСКИЙ

ИСТОРИЧЕСКАЯ ТЕКСТОЛОГИЯ

УЧЕБНОЕ ПОСОБИЕ

ИЗДАТЕЛЬСКИЙ ДОМ
ВЫСШЕЙ ШКОЛЫ ЭКОНОМИКИ

МОСКВА, 2018

УДК 930.2
ББК 63.2
Д18

Рукопись подготовлена в рамках грантового проекта НИУ ВШЭ
по изданию авторских учебников

Рецензенты:

доктор исторических наук, профессор, научный руководитель департамента истории
Санкт-Петербургского филиала НИУ ВШЭ, главный научный сотрудник
Санкт-Петербургского института истории РАН, член Совета по науке
и образованию при Президенте РФ
Е.В. Анисимов;

доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник
Института всеобщей истории РАН
О.И. Тогоева

Д18 **Данилевский, И. Н.** Историческая текстология [Текст]: учеб. пособие / И. Н. Данилевский; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». — М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2018. — (Учебники Высшей школы экономики). — 556, [4] с. — 1000 экз. — ISBN 978-5-7598-1707-9 (в пер.). — ISBN 978-5-7598-1837-3 (e-book).

Впервые в историографии историческая текстология представлена в качестве самостоятельной дисциплины, являющейся важной составной частью профессиональной подготовки историка. В учебном пособии подробно разбираются теоретические вопросы, связанные с определением текста как источника ретроспективной информации, а также основные термины исторической текстологии и показывается, в чем состоит ее отличие от классической филологической текстологии. Рассматривается специфика текстологических процедур в источниковедческом и конкретно-историческом исследовании и прослеживается тесная связь исторической текстологии с различными историческими и вспомогательными для истории дисциплинами.

Особое место в книге занимает раздел, посвященный анализу конкретных историко-текстологических «казусов» — научных реконструкций прошлого, иллюстрирующих теоретические положения учебника. Среди них такие яркие сюжеты, как происхождение древнерусских князей по материнской линии и кровные узы князя Игоря с половцами; «окаянный» Святополк и Антихрист; Лобное место как Голгофа и опричная политика Ивана Грозного как ожидание конца света.

Для студентов магистерских программ, обучающихся по направлениям «История» и «История искусства», аспирантов гуманитарных специальностей, а также для всех интересующихся природой исторического знания и способами его получения.

УДК 930.2
ББК 63.2

Опубликовано Издательским домом Высшей школы экономики <<http://id.hse.ru>>

doi: 10.17323/978-5-7598-1707-9

ISBN 978-5-7598-1707-9 (в пер.)
ISBN 978-5-7598-1837-3 (e-book)

© Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», 2018

ОГЛАВЛЕНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ	7
ВВЕДЕНИЕ	8
Текстология и историческое источниковедение	12
Текстология филологическая и текстология историческая	27
РАЗДЕЛ 1. ОСНОВНЫЕ ПОНЯТИЯ ИСТОРИЧЕСКОЙ ТЕКСТОЛОГИИ	
ГЛАВА 1. ТЕКСТ	33
1.1. Общее понятие текста	33
1.2. Вербальные тексты: проблемы перекодировки	40
1.3. Невербальные тексты: проблемы перекодировки	47
1.4. Автор — переписчик — редактор	53
ГЛАВА 2. ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК	60
2.1. Становление понятия источника ретроспективной информации в истории	60
2.2. Текст как исторический источник	69
2.3. Исторический источник с точки зрения текстологии	72
2.4. Исторический источник — произведение — памятник: соотношение понятий	81
ГЛАВА 3. СПИСКИ ТЕКСТА ИСТОРИЧЕСКОГО ИСТОЧНИКА И ИХ СИСТЕМАТИЗАЦИЯ	87
3.1. Списки исторического источника	87
3.2. Изводы исторического источника	92
3.3. Редакции исторического источника	94
3.4. Оригинальные и производные произведения	99
3.5. Понятие протографа	102
РАЗДЕЛ 2. ОБЩИЕ ПРИЕМЫ И МЕТОДЫ ИСТОРИКО-ТЕКСТОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ	
ГЛАВА 4. УСТАНОВЛЕНИЕ ТЕКСТА ИСТОРИЧЕСКОГО ИСТОЧНИКА	109
4.1. Прочтение текста исторического источника	109
4.2. Реставрация текста исторического источника	120
4.3. Реконструкция текста исторического источника	121
4.4. Общая характеристика источника	129
4.5. Понимание текста	134
ГЛАВА 5. ИСТОРИЯ ТЕКСТА ИСТОРИЧЕСКОГО ИСТОЧНИКА	146
5.1. Сличение текстов списков исторических источников	146
5.2. Относительная датировка списков	148

5.3. Локализация текстов и их списков.....	163	
5.4. Фиксация результатов сличения текстов исторического источника	178	
РАЗДЕЛ 3. СПЕЦИФИЧЕСКИЕ ПРИЕМЫ И МЕТОДЫ ИСТОРИКО-ТЕКСТОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ		
ГЛАВА 6. ТЕКСТОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ РЕТРОСПЕКТИВНОЙ ИНФОРМАЦИИ		189
6.1. Интуитивная оценка ретроспективной информации.....	189	
6.2. Повторяющаяся ретроспективная информация в тексте исторического источника.....	194	
6.3. Круг чтения автора исторического источника.....	212	
ГЛАВА 7. ВЫЯВЛЕНИЕ И ОБРАБОТКА ВЕРИФИЦИРУЕМОЙ И УНИКАЛЬНОЙ РЕТРОСПЕКТИВНОЙ ИНФОРМАЦИИ.....		242
7.1. Проблемы идентификации ретроспективной информации	243	
7.2. Дифференциация и обработка верифицируемой и уникальной ретроспективной информации	251	
7.3. Пространственные указания как основание идентификации описываемых событий	265	
ИСПОЛЬЗОВАНИЕ РЕТРОСПЕКТИВНОЙ ИНФОРМАЦИИ В НАУЧНОЙ РЕКОНСТРУКЦИИ ПРОШЛОГО (ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ)		317
ПРИЛОЖЕНИЯ		320
Эккурс 1. Казус восточнославянских «племенных союзов»	320	
Эккурс 2. Казус древнерусских князей: «свои» или «чужие»?.....	328	
Эккурс 3. Казус Святополка Окаянного.....	334	
Эккурс 4. Казус Остромирова Евангелия	349	
Эккурс 5. Казус Изборника 1076 года	354	
Эккурс 6. Казус трубачей	358	
Эккурс 7. Казус Кузмища Киянина.....	363	
Эккурс 8. Казус «Слова о полку Игореве»	372	
Эккурс 9. Казус битвы на Калке	379	
Эккурс 10. Казус Невской битвы.....	417	
Эккурс 11. Казус Ледового побоища	429	
Эккурс 12. Казус Куликовской битвы	446	
Эккурс 13. Казус Сергия Радонежского.....	475	
Эккурс 14. Казус Опричного дворца Ивана Грозного	482	
УКАЗАТЕЛЬ ИСТОРИЧЕСКИХ ИСТОЧНИКОВ.....		495
УКАЗАТЕЛЬ ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ		499
УКАЗАТЕЛЬ ТЕРМИНОВ		533
ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ		539

ПРЕДИСЛОВИЕ

Как и все гуманитарии, историки изучают тексты. Именно тексты доносят до нас ретроспективную информацию, которая является основой любого исторического исследования. Именно тексты исторических источников — единственный критерий достоверности полученных историком результатов исследования. При этом каждая из гуманитарных дисциплин имеет свои специфические особенности исследования текстов. Есть они и в исторической науке.

Данный курс является составной частью профессиональной подготовки историка. Он тесно связан с курсами исторического источниковедения, теории источниковедения, а также со специальными историческими и вспомогательными для истории дисциплинами. В основе пособия лежат курсы лекций, которые на протяжении ряда лет читались слушателям магистерских программ Школы исторических наук НИУ ВШЭ.

Основные вопросы исторической текстологии будут рассматриваться здесь преимущественно на примерах древнерусских источников XI–XVII вв. Однако все описываемые процедуры работы с текстами применимы к источникам любой страны и любого времени.

Примеры (казусы) описываемых положений и методик, требующие подробных комментариев, которые нарушают изложение основного материала, вынесены в приложения в виде экскурсов.

Автор приносит глубокую благодарность всем, кто так или иначе принимал участие в обсуждении этой книги или ее фрагментов и чьи замечания позволили несколько улучшить ее содержание. Естественно, все недостатки ее остаются на совести автора, и он будет признателен за любые замечания и критические рекомендации, которые позволят развивать курс исторической текстологии.

ВВЕДЕНИЕ

Под текстологией в настоящее время понимается «историко-филологическая дисциплина, изучающая становление и функционирование текстов в письменных и бесписьменных культурах. Центральным объектом изучения текстологии является текст вербальный, т.е. выраженный с помощью знаков естественного языка, но существует и т[екстология] невербальных источников (в частности, музыкальных произведений). В ряде работ целью текстологического исследования называется “установление точного текста исторических документов” и “литературных произведений”¹. <...> Однако практика показала, что критерии качества текста в значительной степени субъективны и могут радикально изменяться по мере развития представлений об истории языка, литературных установках и событийной канве изучаемой эпохи. В силу этого <...> эдиционные задачи текстологии отступают на второй план, а реконструкции текстов, хотя и продолжают создаваться, но служат по преимуществу в качестве иллюстраций к построениям ученых. <...> Основной методикой текстологии является сопоставление версий текста между собой, результатом чего становится выявление разночтений, которые подвергаются той или иной интерпретации <...>. Перспективным направлением текстологии средневековых письменных источников является лингвотекстология, в рамках которой разновременные слои текста разграничиваются на основании языковых примет...»²

Такое определение подводит итог длительному развитию теории и практики работы филологов с текстами, в частности, направлению, которое до конца 20-х годов прошлого века именовалось *критикой текста*. Оно сформировалось на основании опыта, накопленного античными филологами, которые называли себя грамматиками, а свою работу по исправлению текстов классических произведений — *критикой* (от греч. κρίνω — ‘выбирать; толковать, объяснять’), и особенно средневековыми богословами, занимавшимися библейской критикой (выяснением подлинности ветхозаветных и новозаветных текстов, обстоятельств их появления, установлением правильных чтений и объяснением содержания их текстов)³. В конце XVIII — первой

¹ Советская историческая энциклопедия. Т. 14. М., 1973. Стб. 177 [ссылка Д.А. Добровольского].

² Добровольский Д.А. Текстология // Теория и методология исторической науки: терминологический словарь / отв. ред. А.О. Чубарьян. М., 2014. С. 478–479.

³ Подробнее об истории библейской критики до начала XX в. см.: Мецгер Б.М. Текстология Нового Завета: Рукописная традиция, возникновение искажений и реконструкция оригинала. М., 1996. С. 92–153; Тов Э. Текстология Ветхого Завета. М., 2001. С. 14–15, 147–155; и др.

половине XIX в. использование критических методов при издании классических текстов было упорядочено тремя немецкими филологами: Фридрихом Вольфом, Иммануилом Беккером и Карлом Лахманом. Они сформулировали основные правила и принципы (так называемый *классический метод*) критического изучения текста. Одновременно с ними Август-Людвиг Шлёцер попытался использовать приемы критики текста для изучения древнерусских летописей⁴, заложив тем самым основы русской научной исторической критики. Несколько позже Леопольд фон Ранке использовал в исторических исследованиях филологический метод, близкий к критическому методу И. Беккера⁵. В 1804–1805 гг. Ф. Шлейермахер, приступивший к разработке исторического аспекта филологической критики, предложил отделить общую теорию понимания текста (*герменевтику*) от собственно его *критики* (которые до того рассматривались как составные части критики текста, в частности, Священного Писания, которым и занимался Ф. Шлейермахер). Это считается началом текстологии как самостоятельно направленного направления работы с текстами.

Если в первые десятилетия *критика текста* развивалась преимущественно в рамках библеистики, то к концу XIX в. ее результаты и методы стали широко использоваться и при изучении светских текстов. Хотя приемы и методы критики текста в XIX в. были распространены и на литературу нового времени, ее дальнейшее развитие продолжало определяться преимущественно работами филологов-классиков и медиевистов. В Западной Европе это, прежде всего, были исследования, посвященные анализу позднесредневекового немецкого эпоса⁶, в России — работы по изучению «Слова о полку Игореве». Подобно «Слову о полку Игореве», «Кудруна» (эпическая поэма первой половины XIII в.) сохранилась в единственном списке начала XVI в. При первой публикации в 1820 г. издатели внесли в ее текст исправления и конъектуры⁷. Впоследствии текст «Кудруны» неоднократно «корректировался» путем различного разбиения на строфы, изменения их порядка и исключения некоторых из них, исправления языковых форм и т.п., что создавало дополнительные сложности в установлении текста этого произведения. Аналогичную судьбу, как известно, имело «Слово о полку Игореве». Это и определило общие направления в их изучении: они

⁴ Шлёцер А.-Л. Нестор: Русские летописи на Древле-Славянском языке, сличенные, переведенные и объясненные А.-Л. Шлёцером. Ч. 1–3. СПб., 1809–1819 [нем. изд. вышло в Геттингене в 1802–1805 гг.].

⁵ Описание этого метода см. в кн.: Ranke L., von. Zur Kritik neuerer Geschichtschreiber. Berlin, 1824.

⁶ Подробнее см.: Френкель Р.В. Эпическая поэма «Кудруна», ее истоки и место в средневековой немецкой литературе // Кудруна / подг. текста Р.В. Френкель. М., 1984. С. 292–368.

⁷ От лат. *conjectura* — ‘догадка, предположение’.

стали своеобразным полигоном для разработки новых, все более тонких методов анализа текстов.

Существенную роль в развитии критического метода изучения исторических источников в России сыграли исследования представителей скептической школы. Ее скептицизм, по словам создателя направления М.Т. Каченовского, был «не поверхностный и легкомысленный, но основанный на сравнении текстов»⁸. В то же время российские историки и филологи неоднократно предпринимали попытки критического изучения летописных текстов. В частности, основываясь на выводе П.М. Строева, что летописи представляют собой своды материалов, имевшихся в распоряжении летописцев⁹, К.Н. Бестужев-Рюмин в середине XIX в. поставил задачу «расшивки» сохранившихся летописных текстов на тексты предшествующих сводов¹⁰. Он исходил из того, что реальные тексты — «архив, в котором хранятся следы погибших для нас произведений первоначальной русской литературы»¹¹. Однако разработать методику, позволяющую выделить отдельные «нити», из которых состоит этот «клубок текстов разного цвета и качества», и воссоздать первоначальный вид предшествующих текстов, исследователь так и не смог. Тем не менее на этом этапе изучения летописей стало ясно: каждый летописец стремился максимально точно передавать тексты предыдущих летописных сводов, которые он использовал в своей работе. Из чего следовало, что сравнительно поздние их списки XIV–XVI вв. могли вполне удовлетворительно сохранять тексты летописей предшествующих веков. Уже это само по себе давало основания для продолжения разработки методов критики текста, которые позволили бы воссоздавать летописи, не дошедшие до нового времени.

Этапными в развитии критики текста стали исследования А.А. Шахматова по древнерусскому летописанию. На основе сопоставления всех доступных ему списков летописей Шахматов выявил присущие им разночтения и общие места. Систематический анализ обнаруженных разночтений, их классификация и комплексное объяснение позволили установить списки, имеющие совпадающие чтения. Такая предварительная работа дала возможность исследователю сгруппировать списки по редакциям и выдвинуть ряд взаимодополняющих гипотез, объясняющих возникновение этих разночтений и совпадений. Разночтения, совпадающие в нескольких

⁸ Каченовский М.Т. О римской истории Нибура // Вестник Европы. 1830. № 17–20. С. 75 (курсив мой. — И. Д.).

⁹ Строев П.М. Предисловие // Софийский временник, или русская летопись с 862 по 1534 год. М., 1820. Ч. 1. С. X.

¹⁰ Бестужев-Рюмин К.Н. О составе русских летописей до конца XIV века. 1: Повесть временных лет; 2: Летописи южно-русские. СПб., 1868.

¹¹ Там же. С. 87.

списках, возводились к общему протографу всех этих списков. Сопоставление реконструированных гипотетических сводов позволяло, в свою очередь, выявить ряд общих черт, присущих некоторым из них. Таким путем были воссозданы предполагаемые исходные летописные тексты. При этом оказалось, что многие фрагменты летописного изложения заимствовались из очень ранних сводов, что, в свою очередь, дало возможность перейти к реконструкции древнейшего русского летописания. Выводы А.А. Шахматова — и эффективность предложенной им методики — получили полное подтверждение, когда был найден Московский свод 1408 г., существование которого предсказал исследователь.

Дело, однако, осложнялось тем, что А.А. Шахматов не оставил эксплицитного описания применявшейся им методики. Она стала ясна лишь после публикации его рабочих тетрадей¹². Тем не менее именно с начала XX в. критика текста (сам А.А. Шахматов, его последователи и оппоненты колебались в точной характеристике применявшегося им метода) приобрела более или менее завершенные очертания.

Систематическое изложение основных принципов филологической критики текста впервые было осуществлено Б.В. Томашевским. Он же, как принято считать, предложил и новое название для этой дисциплины: *текстология*¹³. Действительно, впервые на страницах специальных изданий оно появилось в его работе «Писатель и книга». Однако то, как его упоминает автор, заставляет сомневаться в широко распространенном мнении, будто этот термин был «изобретен» именно Б.В. Томашевским. «В современной филологии выработалась некоторая система приемов критики текста <...>, — писал он. — Эту систему филологических приемов принято обозначать словом “текстология” <...>. Текстология не есть специальная наука; скорее это некоторый метод, некоторое научное орудие, при помощи которого наука добывает необходимые ей данные <...>. Это — практическая дисциплина, во многом являющаяся особым рода прикладной филологией»¹⁴. В отечественной научной литературе термин *текстология* стал общепринятым. При этом основополагающие принципы и приемы критики текста остались практически неизменными (хотя, конечно, со временем они совершенствовались). Зарубежные исследователи по-прежнему продолжают использовать термин *критика текста* (*textual criticism*)¹⁵.

¹² Шахматов А.А. Обзорные русские летописные своды XIV–XVI вв. СПб., 2011.

¹³ Томашевский Б.В. Писатель и книга: Очерк текстологии. М.; Л., 1928.

¹⁴ Там же. С. 10–11.

¹⁵ См., например: Maas P. Textual Criticism. Oxford, 1958. <<http://www.questia.com/PM.qst?a=o&d=11830207>>; Non-Biblical Textual Criticism // The Encyclopedia of New Testament Textual Criticism / Conceived by R. Elliott. <<http://www.skypoint.com/members/waltzmn/NonBiblical.html>>; Textual criticism // New World Encyclopedia. <http://www.newworldencyclopedia.org/entry/Textual_criticism>

Текстологические исследования, проводившиеся последователями А.А. Шахматова — М.Д. Присьелковым, Б.В. Томашевским, Д.С. Лихачевым, Я.С. Лурье, О.В. Твороговым и целым рядом других выдающихся историков и филологов, — заложили мощный фундамент, на котором базируется не только современное литературоведение, но и историческое источниковедение (прежде всего, источниковедение древней Руси). Принципиально важно, что выводы, основывающиеся на результатах текстологического анализа, являются верифицируемыми. В то же время до сих пор не прояснены место и роль текстологии в источниковедческом исследовании.

ТЕКСТОЛОГИЯ И ИСТОРИЧЕСКОЕ ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ

Информацию о прошлом хранят тексты источников. На ее основе создаются исторические реконструкции. Впоследствии сами реконструкции гипостазированы, отождествляются с исторической реальностью, в качестве каковой и начинают изучаться на следующем этапе исторического исследования. Видимо, именно это имел в виду Р.Дж. Коллингвуд, когда писал, что история — это «рисуемая историком» «воображаемая картина прошлого», которая «претендует на истинность»¹⁶. При этом историки как бы забывают, что это — реконструкции: субъективные (в большей или меньшей степени) реальности, существующие в настоящем (но не в прошлом), и начинают изучать их уже как «объективную реальность», как то, что якобы действительно происходило в прошлом. Это, однако, не значит, что «исторические факты стали лишь функцией исторической мысли, и вообще утратило смысл представлять реальные объекты прошлого за источниками, говорить об “отражении” и реконструкции», что «история стала условной, просто течением современного мышления, обыгрывающим условные факты источников, и только»¹⁷. Хотя, когда «историки распознали активность и сложность отражающей системы», они «ужаснулись размерам ее вклада в формирование образов и утратили не только наивную доверчивость к образам, но и уважение к реальности их прототипов»¹⁸. Тем не менее, как остроумно подметил Л.С. Клейн, «мы уверенно ждем сведений о крепостном праве от новооткрытых документов дворянской России, а не французской III Республики — и не ошибаемся». Действительно, «но-

icism»; *Comfort Ph. W. Encountering the Manuscripts: An Introduction to New Testament Paleography & Textual Criticism*. Nashville, 2005; и мн. др.

¹⁶ Коллингвуд Р.Дж. Идея истории. Автобиография. М., 1980. С. 234–237.

¹⁷ Клейн Л.С. Археологические источники: учеб. пособие. Л., 1978. С. 30.

¹⁸ Клейн Л.С. Введение в теоретическую археологию: учеб. пособие. Кн. 1: Метаархеология. СПб., 2004. С. 115.

вооткрываемые источники не могли бы систематически оправдывать ожидания историков, если бы историческое отражение не было бы во многом верным, объективным, если бы оно не схватывало хотя бы некоторые существенные контуры сложной жизненной картины»¹⁹.

Естественно, выводы, к которым придет историк, будут во многом зависеть от того, насколько порожденная им же самим «реальность» близка тому, что происходило когда-то на самом деле. И если построение это произвольно, изучение такого «объекта», соответственно, даст неверный результат. Точнее, истинность его невозможно будет определить, поскольку по законам логики вывод из ложной посылки может быть как истинным, так и ложным. Во всяком случае, научная значимость его будет ничтожна. Поэтому принципиальное значение имеют основания исторической реконструкции.

Качество этих оснований напрямую зависит от двух моментов: от свойств самой ретроспективной информации, почерпнутой из исторических источников, и от корректности методов ее выявления и обработки. Дальше уже все будет определяться логикой построения, соблюдением правил «здравого смысла». Они, однако, не могут быть надежным критерием при оценке достоверности информации на начальном этапе работы с источником (чем часто грешат исследователи), зато соблюдение логических норм обязательно на заключительных этапах реконструкции прошлого.

Уже в начале 30-х годов прошлого века ученые-историки задались вопросом о том, как найти основания, обеспечивающие максимальную достоверность информации о прошлом, получаемой ими из источника. Именно тогда была поставлена задача преодоления «потребительского отношения к источнику». По словам Я.С. Лурье, «в печати этот термин, употреблявшийся в повседневном научном общении 20–30-х годов, появился лишь один раз. В 1934 г. при обсуждении доклада Б.Д. Грекова “Рабство и феодализм в древней Руси” С.Н. Чернов заметил: “Если подойти к тому, как Б.Д. Греков пользуется источниками, я бы сказал (пусть не обидится на меня Б.Д.), что его отношение к ним в известной мере потребительское. Б.Д. имеет перед собой источник и ограничивается тем, что просто потребляет его, *совсем не интересуясь тем, как он приготовлен в своем целом и в своих частях*”²⁰,²¹. Более подробное объяснение того, как понималось в советской историографии «потребительское отношение» к источнику, дал чуть позднее М.Д. Присёлков: «Если историк, не углубляясь в изучение летописных текстов, произвольно выбирает из летописных сводов разных эпох нужные ему записи, как бы из

¹⁹ Клейн Л.С. Археологические источники. С. 30.

²⁰ Известия Гос. Академии истории материальной культуры. Вып. 86. М.; Л., 1934. С. 111–112 [примеч. Я.С. Лурье].

²¹ Лурье Я.С. Предисловие // Присёлков М.Д. История русского летописания XI–XV вв. [2-е изд.] / подг. текста В.Г. Воиной. СПб., 1996. С. 29 (курсив мой. — И. Д.).

нарочно для него заготовленного фонда, т.е. не останавливает своего внимания на вопросах, когда, как и почему сложилась данная запись о том или ином факте, то этим он, с одной стороны, обессиливает запас возможных наблюдений над данным источником, так как определение первоначально вида записи и изучение ее последующих изменений в летописной традиции могли бы дать исследователю новые точки зрения на факт и объяснить его летописное отражение, а, с другой стороны, при этом историк нередко может попасть в то неловкое положение, что воспримет факт неверно, т.е. в его московской политической трактовке, через которую прошло огромное количество дошедших до нас летописных текстов»²².

Примерно с этого времени преодоление «потребительского отношения к источнику» связывается исключительно с методикой, предложенной на рубеже XIX–XX вв. А.А. Шахматовым. Ее принято характеризовать то как сравнительно-текстологический, то как сравнительно-исторический, то как историко-текстологический, то как историко-филологический метод, то как метод логически-смыслового анализа. Согласно этому методу (как бы его ни называть), единственной гарантией получения достоверного знания служит предварительный текстологический анализ источника.

Начиная с работ А.Е. Преснякова и М.Д. Присёлкова²³ именно текстологическому анализу (как бы он ни назывался) все чаще отводится роль едва ли не основного источниковедческого метода. Приведу всего лишь одно характерное высказывание: «Игнорировать результаты сравнения доступных нам летописей, “потребительски” использовать летописные рассказы “как таковые”, без учета параллельных текстов и летописной генеалогии, нельзя — это неизбежно приводит к произвольности и необидительности выводов, основанных на таких построениях»²⁴. Как подчеркивает Я.С. Лурье, «отказ от любых установленных критериев при оценке источника и произвольное истолкование случайно отобранных свидетельств на основе их вероятности или правдоподобия» недопустимы²⁵.

Показательна в этом отношении оговорка одного из ведущих современных исследователей позднего русского летописания. Критикуя «пред-

²² Присёлков М.Д. История русского летописания XI–XV вв. СПб., 1996. С. 36 (курсив мой. — И. Д.).

²³ Присёлков М.Д. Рецензия на книгу Вл. Пархоменко «Начало христианства Руси» // Известия Отделения русского языка и словесности Академии наук [далее — ИОРЯС]. Т. 19. Кн. 1. СПб., 1914; Присёлков М.Д. Русское летописание в трудах А.А. Шахматова // ИОРЯС. Т. 25. Пг., 1922; Пресняков А.Е. А.А. Шахматов в изучении русских летописей // Там же.

²⁴ Лурье Я.С. Две истории Руси XV века: Ранние и поздние, независимые и официальные летописи об образовании Московского государства. СПб., 1994. С. 13.

²⁵ Лурье Я.С. Проблемы критики источника: на материале древнерусских памятников [пер. с англ.] // Лурье Л.С. Избранные статьи и письма / сост. В.Г. Вовина-Лебедева, М.М. Кром; под общ. ред. М.М. Крома. СПб., 2011. С. 46.

ставление о недостаточности собственно источниковедческих методов», В.Г. Вовина-Лебедева добавляет: «главным из которых в русской, да и вообще в европейской науке признавался сравнительно-текстологический метод»²⁶. При этом, правда, как-то «само собой» забывается, что исследователи так и не смогли договориться относительно того, что же, собственно, представляет собой метод текстологии в истории²⁷. Это, однако, не мешает многим исследователям рассматривать источниковедение едва ли не как часть текстологии²⁸. Недаром в последние годы практически все крупные исследования по истории, скажем, древнерусского летописания, если и не сводятся полностью к текстологическому анализу, написаны в рамках упомянутой научной парадигмы²⁹.

Видимо, за подобной точкой зрения чаще всего скрывается не вполне осознанное отождествление текстологических и источниковедческих процедур. Недаром сам термин *критика* был перенесен с текста вообще на исторический источник: так, судя по всему, появились термины *внешняя* и *внутренняя критика источника*. При этом анализ списков текста источника идентифицируется с внешней критикой источника, изучение собственно текста исторического источника — с его внутренней критикой, а интерпретация источника (как текста литературного произведения) — с исторической реконструкцией. Однако между этими процедурами существует некий зазор, а некоторые из них принципиально различны.

Не вполне ясное ощущение этого разрыва между текстологией и источниковедением послужило основанием для прямо противоположной точки зрения, согласно которой «текстологии может быть оставлена лишь формальная классификация списков и редакций, установление формальных взаимоотношений текстов, выявление формальных особенностей их,

²⁶ Вовина-Лебедева В.Г. К вопросу о методах исследования нарративных текстов // Отечественная история. 2002. № 4. С. 124.

²⁷ Ср., например: Лихачев Д.С. По поводу статьи Б.Я. Букштаба // Русская литература. 1965. № 1. С. 84; Прохоров Е. Предмет, метод и объем текстологии как науки // Русская литература. 1965. № 3. С. 149; Азбелев С.Н. Текстология как вспомогательная историческая дисциплина // История СССР. 1966. № 4. С. 91; и др.

²⁸ Ср.: Лихачев Д.С., Янин В.Л., Лурье Я.С. Подлинные и мнимые вопросы методологии изучения русских летописей // Вопросы истории. 1973. № 8. С. 197; Черепнин Л.В. Спорные вопросы изучения Начальной летописи в 50–70-х годах // История СССР. 1972. № 4. С. 52–53; и др.; Черепнин Л.В. К вопросу о методологии и методике источниковедения и вспомогательных исторических дисциплин // Источниковедение отечественной истории. М., 1973. Вып. 1. С. 54–60; и др.

²⁹ Муравьева Л.Л. Московское летописание второй половины XIV — начала XV века. М., 1991; Лурье Я.С. Две истории Руси XV века; Бобров А.Г. Новгородские летописи XV века. СПб., 2001; и др. Симптоматично также переиздание классических работ как самого А.А. Шахматова (Шахматов А.А. Разыскания о русских летописях. М.; Жуковский, 2001; Шахматов А.А. История русского летописания. Т. 1: Повесть временных лет и древнейшие русские летописные своды. Кн. 1: Разыскания о древнейших русских летописных сводах. СПб., 2002), так и его наиболее последовательного продолжателя, М.Д. Присёлкова (Присёлков М.Д. История русского летописания XI–XV вв.).

причем содержательный смысл всех установленных отличий может быть понят лишь в рамках историко-филологических наук»³⁰. При этом правда, оставалось неясным, что имеется в виду под «историко-филологическими науками». Впрочем, подобные высказывания не нашли поддержки у большинства исследователей. Тем не менее, с одной стороны, подчеркивалось, что «текстология не может тормозить развитие истории»³¹. С другой же стороны, звучали призывы не превращать текстологию в «служанку» «все-возможных теоретических концепций»³².

Однако ни сторонники расширительного толкования функций текстологии в источниковедческом и, шире, историческом исследовании, ни их противники не уточняют, как и в какой степени результаты изучения истории текста влияют (и влияют ли вообще) на его понимание и интерпретацию, а также на работу с выявленной в источнике ретроспективной информацией.

Скажем, совершенно неясно, следует ли учитывать в историческом построении выявленные в ходе текстологического анализа цитаты, инкорпорированные в исследуемый текст источника. Любое «прямое» умозаключение «от текста к реальности», когда имеешь дело с произведениями, подобными «Слову» («Молению») Даниила Заточника, или, скажем, оригинальными древнерусскими проповедями, которые почти полностью состоят из сакральных цитат³³, чревато самыми тяжелыми последствиями. Все рассуждения, опирающиеся на такие тексты, оказываются не более чем простой догадкой. Она возникает под субъективным впечатлением современного читателя. Это — впечатление от текста, созданного в другой культуре и написанного на совершенно ином культурном языке. Если исследователь все прочитанное примет за чистую монету — он ошибется в своих выводах. Поэтому по умолчанию считается, что выявленные цитаты надо элиминировать из «производного» текста и исключать из его интерпретации. И это логично: какую информацию об изучаемом явлении может дать текст, написанный совсем по другому поводу и чаще всего совсем в другое время? С точки зрения позитивистской — никакой. Включение в исторические построения информации, почерпнутой непосредственно из цитат,

³⁰ Кузьмин А.Г. Начальные этапы древнерусского летописания. М., 1977. С. 22–23.

³¹ Пацуто В.Т. Некоторые общие вопросы летописного источниковедения // Источниковедение отечественной истории: сб. статей. М., 1973. Вып. 1. С. 67.

³² Лурье Я.С. О гипотезах и догадках в источниковедении // Лурье Я.С. Избранные статьи и письма. СПб., 2011. С. 89–90.

³³ Блестящие примеры такого рода во множестве приводит Е.Б. Рогачевская (Рогачевская Е.Б. Некоторые особенности средневековой цитации: На материале ораторской прозы Кирилла Туровского // Филологические науки. 1989. № 3. С. 16–19; Рогачевская Е.Б. Библийские тексты в произведениях древнейших русских проповедников: К постановке проблемы // Герменевтика древнерусской литературы X–XVI вв. М., 1992. Сб. 3. С. 181–199; и др.).

приведенных автором источника, ставит исследователя в ложное положение, а все «реконструкции», основанные на них, оказываются фикциями. Именно поэтому существующая традиция исключать из рассмотрения — при интерпретации текста — все обнаруженные в нем цитаты представляется в высшей степени логичной.

В то же время, если этого не удастся сделать, историк, как правило, тут же предлагает альтернативную версию, «текстологически» объясняющую такую невозможность. Так, А.А. Зимин обращает внимание на то, что «еще А.А. Шахматов установил, что в рассказ 1037–1039 гг. составитель Начального свода 1093–1095 гг. вставил отрывок из паремейника³⁴». Однако, оказывается, «текст паремейника с добавлениями совершенно невозможно вырвать из общего рассказа 1037–1039 гг. о построении Софии, заботе Ярослава о просвещении и монастырях³⁵. Начало предполагаемой вставки является логическим продолжением предыдущего рассказа о пользе книжного учения. Если считать, что паремейником пользовался только составитель Начального свода, то следует признать, что весь рассказ под 1037–1039 гг. принадлежит его же перу»³⁶.

Приведем еще один характерный пример. Анализируя начальную часть Новгородской I летописи, М.Н. Тихомиров отмечал: «Итак, Новгородская I летопись позволяет установить ряд вставок, внесенных в текст составителями “Повести временных лет”. Выделив из состава “Повести” вставные статьи, мы получим текст, дающий некоторое представление о том, какие известия о событиях на Руси IX–X вв. имелись в древнейшей летописи. Впрочем, и в таком реконструированном виде летописные известия все-таки предстанут перед нами не в своем первоначальном виде, а в более поздней переработке, так как и текст Новгородской летописи уже имеет *составной, компилятивный* характер»³⁷.

Такие случаи в работе историка встречаются постоянно.

Столь же неясно, как быть с текстами, источники которых установить не удастся, либо направленность разночтений между которыми собственно

³⁴ Вставка «велика бо бывает полза... въсприемлетъ душа велику ползу» (Лаврентьевская летопись // Полное собрание русских летописей [далее: ПСРЛ]. [3-е изд.] Т. 1. М., 1997. Стб. 152, 153; Шахматов А.А. Разыскания о русских летописях. С. 165). Впрочем, при реконструкции Древнейшего свода Шахматов опускает и предшествующий текст («якоже бе се некто» до начала вставки), не давая этому объяснения (Там же. С. 583) [примеч. А.А. Зимина].

³⁵ В тексте рассказа, как и в полагаемой А.А. Шахматовым вставке, неоднократно говорится о любви Ярослава к книгам (ср.: «Книгам прилежа и почитая е часто в ночи и в дне и... списаша книги многы и сниска имиже поучашесе вернии людье наслажаются ученья божественнаго...» и т.д. (Лаврентьевская летопись. Стб. 151, 152) [примеч. А.А. Зимина]).

³⁶ Зимин А.А. Правда Русская. М., 1999. С. 144–145.

³⁷ Тихомиров М.Н. Начало русской историографии // Вопросы истории. 1960. № 5. С. 48 (курсив мой. — И. Д.).

текстологическими методами не может быть установлена однозначно³⁸. Так, например, анализируя вводную часть «Повести временных лет», В.К. Зиборов отмечает: «При сравнении приведенных вариантов Предисловия [к «Повести». — *И. Д.*] видно, как активно изменяется текст любого древнерусского произведения. Все четыре варианта представлены рукописями XV–XVII вв., т.е. они на многие века отстают от первоначальной записи XI в. В подобных случаях выявить этот первоначальный текст — задача почти неразрешимая, но условия любого текстологического исследования обязывают обращаться к решению такой задачи. Все четыре варианта Предисловия претерпели самые различные изменения. Практика анализа древнерусских произведений показывает, что в любом из них может сохраниться первоначальная деталь текста, утраченная другими вариантами, независимо от того, ранний это вариант (XV в.) или поздний (XVII в.). Решить вопрос о первичности или вторичности того или иного чтения необычайно трудно»³⁹.

Недаром исследователи раннего отечественного летописания время от времени начинают заниматься поисками ранних протографов «Повести временных лет». Так, пытаясь выявить летописные памятники X в., на которые якобы опирались составители «Повести временных лет» и предшествующих ей сводов XI в., М.Н. Тихомиров и Б.А. Рыбаков привлекали летописи XVI в., содержащие уникальные, отсутствующие в «Повести» известия о древнейшем периоде, — Устюжский свод и Никоновскую летопись⁴⁰. Вопрос о том, можно ли рассматривать так называемые избыточные известия В.Н. Татищева в качестве исторического источника, имеют столь обширную историографию, что сколько-нибудь полный анализ ее в данном случае просто невозможен⁴¹.

³⁸ Подробнее см.: *Лихачев Д.С.*, при участии *Алексеева А.А.*, *Боброва А.Г.* Текстология: на материале русской литературы X–XVII вв. Изд. 3-е, перераб. и доп. СПб., 2001 [далее — *Лихачев Д.С.* Текстология]. С. 180–240.

³⁹ *Зиборов В.К.* О летописи Нестора: Основной летописный свод в русском летописании XI в. СПб., 1995. С. 134.

⁴⁰ *Тихомиров М.Н.* Начало русской историографии. С. 43–48, 51–52; *Рыбаков Б.А.* Древняя Русь: Сказания. Былины. Летописи. [М., 1963.] С. 160–173.

⁴¹ Вот лишь некоторые из работ, посвященных этой проблеме: *Шахматов А.А.* К вопросу о критическом издании «Истории Российской» В.Н. Татищева // Дела и дни. Вып. 1. Пг., 1920. С. 94–95; *Пеитич С.Л.* О «договоре» Владимира с волжскими болгарами 1006 года // Исторические записки. Т. 18. М., 1946. С. 327–335; *Тихомиров М.Н.* О русских источниках «Истории Российской» В.Н. Татищева // Татищев В.Н. История Российская. Т. 1. М.; Л., 1962. С. 39–53 (перепечатка в сб.: *Тихомиров М.Н.* Русское летописание. М., 1979. С. 66–83); *Валк С.Н.* «Вельмож» в «Истории Российской» В.Н. Татищева // Труды Отдела древнерусской литературы. Т. 24: Литература и общественная жизнь Древней Руси / отв. ред. Д.С. Лихачев [далее — ТОДРЛ]. Л.: АН СССР: Ин-т рус. лит-ры (Пушкинский Дом), 1969. С. 349–352; *Сазонова Л.И.* Летописный рассказ о походе Игоря Святославича на половцев в 1185 г. в обработке В.Н. Татищева // ТОДРЛ. Т. 25: Памятники русской литературы X–XVII вв. М.; Л., 1970. С. 29–46; *Добрушкин Е.М.* О двух известиях «Истории Российской» В.Н. Татищева под 1113 г. // Вспомогательные исторические

Без таких «текстологических достроек» придется признать (как это делал М.Н. Тихомиров, критикуя, правда, не свои выводы, а Д.С. Лихачева): если относить начало русского летописания к XI в., окажется, что «вся древнейшая история Руси фактически представляет собой пересказ различного рода преданий, а тем самым и достоверность сведений по истории Руси первой половины XI века снижается до крайности. Какую ценность как исторический источник может иметь, например, рассказ о княжении Игоря, если он записан более чем за 100 лет после описываемого в нем события?»⁴² Тем не менее, писал он, «принимая за дату написания первых летописных известий середину или вторую половину XI в., многие историки со странной непоследовательностью вполне серьезно цитировали и комментировали летописные сказания, относящиеся даже к IX в. В силу этого, например, легенда о призвании князей трактовалась как известие достоверное, хотя тут же сказание о Кие, Щеке и Хориве зачислялось в разряд преданий»⁴³. Чтобы избежать упрека в подобной алогичности, историки и филологи высказывали различные догадки о существовании якобы предшествовавших «Повести временных лет» и «Начальному своду» 90-х годов XI в. «Сказания о первоначальном распространении христианства», «Сказания о русских князьях X в.», «Повести о начале Руси», летописи Осколда и Ярослава Святославовича, древлянской летописи, свода Владимира и др.⁴⁴ Ни одна из них не обоснована текстологически.

Скажем, избыточные известия Никоновской летописи, которые были положены Б.А. Рыбаковым в основу гипотезы об «Оскольдовой летопи-

дисциплины. Л., 1970. Вып. 3. С. 284–290; Добрушкин Е.М., Лурье Я.С. Историк — писатель или издатель источников? К выходу в свет академического издания «Истории Российской» В.Н. Татищева // Русская литература. 1970. № 2. С. 221–222; Кузьмин А.Г. Был ли В.Н. Татищев историком? // Русская литература. 1971. № 1. С. 58–63; Лихачев Д.С. Можно ли включать «Историю Российскую» Татищева в историю русской литературы? // Там же. С. 65–66; Рыбаков Б.А. В.Н. Татищев и летописи XII в. // История СССР. 1971. № 1. С. 91–109; Рыбаков Б.А. Русские летописцы и автор «Слова о полку Игореве». М., 1972. С. 184–276; Кузьмин А.Г. Статья 1113 г. в «Истории Российской» В.Н. Татищева // Вестник Московского ун-та (История). 1972. № 5. С. 79–89; Добрушкин Е.М. К вопросу о творческой лаборатории В.Н. Татищева // Вопросы историографии и источниковедения. Казань, 1974. С. 131–138; Добрушкин Е.М. К вопросу о происхождении сообщений «Истории Российской» В.Н. Татищева // Исторические записки. Т. 97. М., 1976. С. 281–287; Добрушкин Е.М. К изучению творчества В.Н. Татищева как писателя русской истории: Древнерусский «обычай» В «Истории Российской» // XVIII век. Вып. 9: Проблемы литературного развития в России первой трети XVIII в. Л., 1974. С. 149–167; Добрушкин Е.М. О методике изучения «татищевских известий» // Источниковедение отечественной истории: сб. статей. 1976. М., 1977. С. 76–96; и мн. др.

⁴² Тихомиров М.Н. Источниковедение истории СССР: учеб. пособие [2-е изд.]. Вып. 1: С древнейших времен до конца XVIII века. М., 1962. С. 66.

⁴³ Тихомиров М.Н. Начало русской историографии. С. 46.

⁴⁴ Черепнин Л.В. Повесть временных лет, ее редакции и предшествующие ей летописные своды // Исторические записки. Вып. 25. [Б.м.] 1948; Тихомиров М.Н. Начало русской историографии. С. 56; Рыбаков Б.А. Древняя Русь. С. 187, 190–192.

си», проанализировал в свое время Б.М. Клосс. Он пришел к выводу, что часть уникальных известий за 6375/867–6397/889 гг. «вполне объясняется интересами той наступательной политики в отношении Казани, которую проводило московское правительство в 20-х годах XVI в., когда составлялась Никоновская летопись», другие же сведения «носят отчетливо легендарный характер или основаны на домыслах составителя». Впрочем, замечает Б.М. Клосс, «проблема уникальных известий Никоновской летописи во всей ее полноте <...> заслуживает самостоятельного изучения»⁴⁵. Мало того, первая же проверка подобных умозрительных конструкций методами текстологии доказывает их полную несостоятельность⁴⁶. К сожалению, полная критическая проверка многочисленных догадок о «предлетописной» работе древнерусских книжников до сих пор не проведена. Их авторы, говоря словами Я.С. Лурье, «невольно возвращаются к дошахматовским методам разложения летописных сводов на отдельные элементы»⁴⁷. Именно желание как-то оправдать использование ранних сообщений «Повести временных лет» дает начало неодолимому стремлению непременно учуять в них дух русского фольклора, народных преданий, «устных летописей». К примеру, в рассказе о «чудовищной мести» Ольги Б.А. Рыбаков ощущает «древлянский дух»⁴⁸, а Д.С. Лихачев полагает, что в основе его лежит фольклорный рассказ, прославляющий мудрость Ольги⁴⁹.

Другим примером может служить использование в работе Ю.Д. Акашева⁵⁰ сведений, якобы почерпнутых В.Н. Татищевым из «Иоакимовской летописи». При этом сам Ю.Д. Акашев, следуя существующей традиции, полагает, что положительное решение вопроса о подлинности самого этого памятника (точнее — о его раннем происхождении) является одновременно доказательством достоверности (в общепринятом смысле этого слова) его известий, касающихся древнейшего периода истории Руси⁵¹.

Однако еще в XIX в. было надежно установлено, что данная «летопись», сохранившаяся лишь в выписках В.Н. Татищева, представляет собой позднейшую компиляцию из русских и иностранных известий с присоединением литературных, подчас баснословных «украшений», характерных для

⁴⁵ Клосс Б.М. Никоновский свод и русские летописи XVI–XVII вв. М., 1980. С. 186–187, 189.

⁴⁶ См., например: Баловнев Д.А. «Сказание о первоначальном распространении христианства на Руси»: Опыт критического анализа // Церковь в истории России. М., 2000. Сб. 4. С. 5–46.

⁴⁷ Лурье Я.С. Изучение русского летописания // Вспомогательные исторические дисциплины. 1968. Вып. 1. Л. С. 30.

⁴⁸ Рыбаков Б.А. Древняя Русь. С. 180–181.

⁴⁹ Лихачев Д.С. Русские летописи и их культурно-историческое значение. М.; Л., 1947. С. 132–137.

⁵⁰ Акашев Ю.Д. Историко-этнические корни русского народа. М., 2000.

⁵¹ Там же. С. 194–196; и др.

XV и особенно XVI–XVIII вв.⁵² Этот вывод поддержали С.К. Шамбинаго⁵³ и С.Н. Азбелев⁵⁴. В последнее время удалось доказать, что так называемая «Иоакимовская летопись» — мистификация (или, лучше сказать, гипотетическая реконструкция) В.Н. Татищева, «составленная с учетом “последних достижений науки”»⁵⁵. Об этом свидетельствуют не только противоречия в рассказах Татищева об обстоятельствах получения и работы с «летописью», описаниях ее внешнего вида и состава, но и текстологический анализ редакций «Истории России». Вывод, к которому пришел А.П. Толочко, работавший с татищевскими рукописями, весьма убедителен: «Псевдо-Иоаким работал на основании той же библиотеки, что и Татищев. Его текст самым тесным образом связан с проблемами, которые Татищев решает в других разделах “Истории”. Более того, псевдо-Иоаким владел уникальной информацией, доступной в 1740-х годах только Татищеву и притом делал идентичные татищевским ошибки, спровоцированные орфографией доступных Татищеву летописей»⁵⁶. При этом в прочих источниках никаких следов «Истории Иоакима» (как называл ее сам В.Н. Татищев) не прослеживается. Зато анализ разночтений в последовательных редакциях «Истории России» дает все основания утверждать, что «текст Иоакима возник параллельно и в связи с редактированием примечаний», а «идеи Татищева, либо уже содержащиеся в примечаниях, либо только возникающие в процессе их редактирования, переносились затем в текст “отрывка” в форме фактических сообщений источника»⁵⁷. «Это сегодня, — подчеркивает А.П. Толочко, — после двух столетий обследования летописных списков и огромной текстологической работы, мы знаем, что могло и что не могло читаться в древнейших из них, как мог и как не мог выглядеть древней текст. Современный исследователь держит в голове весьма детальную стемму летописания, позволяющую, постоянно сверяясь с ней, расположить практически любой текст относительно прочих текстов. Во времена Татищева подобной стеммы в уме никто не держал, в том числе и он сам, а значит, идентифицировать поздние/новые тексты было чрезвычайно проблематично, по сути дела, невозможно, что и засвидетельствовал шумный успех псевдо-Иоакима у нескольких поколений историков»⁵⁸.

⁵² Лавровский П.А. Исследование о летописи Якимовской // Ученые записки II отделения имп. Академии наук. Кн. 2. Вып. 1. СПб., 1856. С. 77–159.

⁵³ Шамбинаго С.К. Иоакимовская летопись // Исторические записки. [Б.м.] 1947. Вып. 21. С. 254–270.

⁵⁴ Азбелев С.Н. Новгородские летописи XVII в. Новгород, 1960.

⁵⁵ Толочко А.П. «История Российская» Василия Татищева: источники и известия. М.; Киев, 2005. С. 242.

⁵⁶ Там же. С. 241.

⁵⁷ Там же. С. 232.

⁵⁸ Там же. С. 244.

Поэтому по меньшей мере наивно полагать, будто совершенно мифический рассказ Иоакимовской летописи о том, как в вешем сне князю Гостомыслу было предсказано рождение его дочерью Умилой сына, наследующего деду, является следом осознания и легитимации нового порядка наследования в Древней Руси. Перед нами — вольное переложение геродотовой легенды о том как было предсказано рождение Кира: сон Астиага о виноградной лозе, которая выросла из чрева его дочери Манданы⁵⁹.

Все приведенные примеры свидетельствуют об определенном кризисе традиционного понимания (или, лучше сказать, традиционного недопонимания или даже полного непонимания) древнерусских (да и всех прочих) источников, основывающемся на классическом текстологическом анализе. При всех неоспоримых достоинствах такого подхода исследователи, использующие его, все чаще сталкиваются с тем, что он — впрочем, как и любой другой метод — имеет свои пределы применения. И эти ограничения уже нельзя игнорировать.

Критические замечания в адрес так называемой шахматовской методики, сводящей источниковедческий анализ к текстологии, звучали уже не раз. И если оппоненты-филологи, как правило, ставили в упрек даже самому А.А. Шахматову отход в его историко-литературных построениях от «чистой» текстологии, то историки, напротив, полагали, что великий исследователь слишком узко подходил к летописям, замыкаясь исключительно в текстологических построениях, — вне той исторической среды, которая их породила.

Так, с одной стороны, В.М. Истрин вполне справедливо отмечал, что гипотезы А.А. Шахматова далеко не всегда базировались на собственно текстологических наблюдениях. Анализируя принципы, основываясь на которых А.А. Шахматов выделял вставные тексты, он отмечал, что «исходным пунктом для признания той или другой вставки является исключительно субъективное понимание каждого отдельного летописного рассказа. Но такое субъективное понимание текста, соединенное с особенным стремлением видеть чуть ли не на всякой странице позднейшую вставку, естественно, вызывает возражение, и мы видели, что во всех случаях нет никаких оснований видеть какие-либо противоречия, которые указывали бы на наличие позднейших вставок»⁶⁰.

Эта мысль позднее получила развитие. Так, один из наиболее последовательных современных преемников А.А. Шахматова, Я.С. Лурье, подчеркивал: «Датировка Древнейшего свода, предложенная А.А. Шахматовым,

⁵⁹ Геродот. История: в 9 кн. / пер. и примеч. Г.А. Стратоновского. Л., 1972. С. 108.

⁶⁰ Истрин В.М. Замечания о начале русского летописания: По поводу исследований А.А. Шахматова в области древнерусской летописи // ИОРЯС. Т. 26. Пг., 1923. С. 91; ср.: Истрин В.М. Исследования в области древнерусской литературы. Т. I–V. СПб., 1906. С. 153, 165, 173–174; и др.

имела предположительный характер, и реконструкция этого свода лишь в небольшой части опиралась на сравнительно-текстологические данные»⁶¹. Этот же исследователь отмечал: «Примером шахматовских “больших скобок” можно считать его гипотезу о “Полихроне Фотия” 1423 г. — общем источнике свода 1448 г., <...> Ермолинской летописи и Хронографа. Исследованиями последних десятилетий установлено, что и Ермолинская, и Хронограф восходили не к “Полихрону Фотия”, а к сводам второй половины и конца XV в.; предположение о “Полихроне Фотия” лишается поэтому своей текстологической основы»⁶². При такой постановке вопроса остается неясным, какие собственно «текстологические основы» были у этой гипотезы А.А. Шахматова до того, как текстологический анализ установил связь Ермолинской летописи и Хронографа со сводами второй половины XV в.? И почему эта гипотеза «лишается своей текстологической основы» только теперь? Быть может, ее не было и прежде, а была лишь гипотеза, с помощью которой А.А. Шахматов пытался объяснить текстуальные совпадения в изучавшихся им источниках?

С другой стороны, В.Т. Пашуто, например, считал, что А.А. Шахматов неправоммерно сводит исторические условия, породившие летописи, лишь к «литературной среде» — «тому составу сборников и сводов, где обретаются эти своды»⁶³. Из этого делался очень важный вывод: «Отдельные попытки Шахматова дать какое-либо смысловое объяснение полученным им чисто механическим путем построениям были произвольны как в деталях, где он широко применял конъектуральную критику, стремясь к “естественному истолкованию” “простого смысла”⁶⁴ текста, в отрыве от общей тенденции источника, в составе которого он сохранился, так и в целом»⁶⁵, а потому «в чистом виде его текстология служила практике буржуазной историографии эпохи империализма»⁶⁶. При этом, естественно, подразумевалось, что «общая тенденция источника» заведомо известна любому мало-мальски квалифицированному историку-марксисту. Позднее эти критические положения В.Т. Пашуто были поддержаны и развиты⁶⁷.

⁶¹ Лурье Я.С. О шахматовской методике исследования летописных сводов // Источниковедение отечественной истории: сб. статей. М., 1976. С. 97.

⁶² Там же. С. 101.

⁶³ Шахматов А.А. Отзыв о сочинении С.К. Шамбинаго «Повести о Мамаевом побоище». СПб., 1906 // Отчет о XII присуждении премии митрополита Макария. СПб., 1910. С. 84–85.

⁶⁴ См.: Шахматов А.А. Заметки к древнейшей истории русской церковной жизни // Научный исторический журнал. СПб., 1914. Т. 2. Вып. 2. № 4. С. 32 [ссылка В.Т. Пашуто].

⁶⁵ Пашуто В.Т. А.А. Шахматов — буржуазный источниковед // Вопросы истории. 1952. № 2. С. 61–62; Пашуто В.Т. Некоторые общие вопросы летописного источниковедения. С. 72.

⁶⁶ Там же. С. 70.

⁶⁷ Например: Черепнин Л.В. Спорные вопросы изучения Начальной летописи в 50–70-х годах; Кузьмин А.Г. Спорные вопросы методологии изучения русских летописей // Вопросы истории. 1973. № 2; Кузьмин А.Г. Начальные этапы древнерусского летописания. С. 5–54; и др.

Так, А.Г. Кузьмин завершил критический анализ методологических подходов к изучению раннего летописания следующим пассажем: «Формальное сопоставление текстов всегда имеет тенденцию к замыканию их “в искусственном мире самодвижения редакций и разночтений”⁶⁸. Достоверные данные из текстов могут быть получены при условии, если сравнение постоянно соразмеряется с той общественно-исторической средой, в которой возникли и обращаются изучаемые памятники. Встречая сходные описания, говорит Б.А. Рыбаков, исследователь “обязан убедиться в невозможности возвести их к жизни и лишь после этого говорить о литературном воздействии”⁶⁹. Именно установление связи между текстом и породившей его общественной средой должно составлять основное содержание летописеведческого исследования. Безусловно, это несравнимо более сложная задача, чем констатация фактов текстуального расхождения и схождения. Но без ее решения текст не может быть даже правильно прочитан»⁷⁰.

Обращает на себя внимание, что подобная критика шахматовской методологии явно неудовлетворительна, поскольку «правильное» прочтение самого источника и установление его «общей тенденции» либо сводятся к результатам формально-текстологического сопоставления (без объяснения, как данные текстологии можно «перевести» в общую характеристику источника⁷¹), либо предшествуют собственно научному изучению его текста.

Попытку выбраться из этого порочного круга недавно предпринял С.Я. Сендерович. Он предложил свой «выход за пределы шахматовской перспективы в рамках научной методологии», в котором «господствует не генетическая система отношений, а контекстуальная: внутренний анализ летописных текстов здесь включается в интертекстуальную перспективу». «Контекстуальный подход», по определению его автора, «нацелен, прежде всего, на поиски *интегральной* перспективы, поиски того, что составляет основу единства разнообразных текстов в рамках свода, что делает их участниками единой работы»⁷².

Такой перспективой для летописных текстов, по мнению С.Я. Сендеровича (с которым в данном случае трудно не согласиться), является

⁶⁸ Воронин Н.Н. «Анонимное» сказание о Борисе и Глебе, его время, стиль и автор // ТОДРЛ. Т. 13. М.; Л., 1957. С. 14 [ссылка А.Г. Кузьмина].

⁶⁹ Рыбаков Б.А., Филин Ф.П., Кузьмина В.Д. Старые мысли, устарелые методы: Ответ А.А. Зимину // Вопросы литературы. 1967. № 3. С. 158 [ссылка А.Г. Кузьмина].

⁷⁰ Кузьмин А.Г. Начальные этапы древнерусского летописания. С. 53–54.

⁷¹ В этом отношении любопытно замечание С.Я. Сендеровича: «Шахматов, хотя и обладал отличной интуицией относительно характера находившегося перед ним текста, никогда не анализировал тексты в качестве литературных целостностей» (Сендерович С.Я. Метод Шахматова, раннее летописание и проблема начала русской историографии // Из истории русской культуры. Т. 1: Древняя Русь / сост В.Я. Петрухин. М., 2000. С. 472).

⁷² Там же. С. 476, 477.

Священное Писание: первый летописец, «как и всякий средневековый писатель, — экзегет». «Его источники: во-первых, Священная История, во-вторых, греческие хронографы» (при этом, правда, не поясняется, почему экзегетика должна быть так тесно связана с греческой хронографией). «Его задача заключается в том, чтобы события жизни его собственного народа подключить к универсальной, т.е. христианской истории, таким образом подключить ее к историографической традиции, извлечь из области внеисторического бытия и баснословия и, собственно, сделать историей». «Чтобы стать летописцами, они [зачинатели русского летописания] должны, прежде всего, быть теологами и историософами». «Те источники, по которым они учились тому, что такое история, — это доступные им книги Священной Истории евреев или отрывки из них, Толковые Пророчества отцов церкви и греческие хроники и хронографы, передающие Священную Историю и ее продолжение, а также Деяния и Послания апостолов, где толкуются проблемы подключения к истории новой ее ветви. В этом же ряду находится и традиция апостолов славян Кирилла и Мефодия. Во всех этих источниках историософия и историография предстают как истолкование событий на основе Священного Писания, т.е. в качестве экзегезы». «Тут нельзя не быть теологом», — заключает С.Я. Сендерович⁷³.

Приведенные рассуждения, безусловно, логичны и по сути, скорее всего, правильны. Настораживает, однако, вполне ощутимый априоризм предлагаемого подхода. Напомню, в советский период считали, что летописец «не должен был быть» «церковником», даже если он, вне всякого сомнения, был монахом. Так, например, Д.С. Лихачев утверждал: «Летописец не так уж часто руководствовался своей философией истории, не подчинял ей целиком повествование, а только внешне присоединял свои религиозные толкования тех или иных событий к деловому и в общем довольно реалистическому рассказу о событиях», а «религиозные воззрения... не пронизывали собою всего летописного изложения»⁷⁴. Дело доходило до того, что специфика даже заведомо «конфессиональных» текстов, таких как «Сказание о чудесах Владимирской иконы» или «Житие Леонтия Ростовского», виделась «не в “церковности”, как считают некоторые исследователи», а в «светском, государственно-политическом пафосе их отличающем». При этом утверждалось, что «Сказание о Леонтии Ростовском», «несмотря на агиографический жанр, <...> пронизано светскими темами»⁷⁵. Теперь же,

⁷³ Там же. С. 477–478.

⁷⁴ Лихачев Д.С. «Повесть временных лет»: Историко-литературный очерк // Повесть временных лет. 2-е изд. СПб., 1996. С. 297; ср.: Лихачев Д.С. Литература — реальность — литература. Л., 1981. С. 129–130.

⁷⁵ Филипповский Г.Ю. Столетие дерзаний: Владимирская Русь в литературе XII в. М., 1991. С. 76.

по мнению С.Я. Сендеровича, он просто обязан («не может не») быть «теологом». Между тем и это — последнее — *предположение* (как и предшествующее ему) сначала надо доказать. Иначе оно в научном плане выглядит ничуть не лучше позиции советских исследователей. К тому же круг чтения летописца и его *актуального* читателя (на которого изначально ориентировался текст летописи) должен быть определен более точно. Мало того, необходимо выяснить (и опять-таки доказать), *что* из доступной им литературы *они* читали, и понять, *как* читали: что из нее «вычитывали» и как это «вычитанное» понимали. При этом надеяться, что в распоряжении историка, занимающегося историей Древней Руси, окажется комплекс источников, подобный тому, который позволил в свое время К. Гинзбургу выяснить, *что* и, главное, *как* читал Меноккио, — не приходится⁷⁶.

Поэтому «интертекстуальный» поворот, провозглашаемый и пропагандируемый С.Я. Сендеровичем (при том, что он — в плане ментальных структур — представляется в принципе более корректным, чем подход к летописанию и летописцу, скажем, Д.С. Лихачева), оказывается столь «тотальным», что методически проигрывает традиционному «шахматовскому» подходу. Эта «бóльшая корректность», пожалуй, в еще большей степени разрушает исследуемый текст. В свое время Л.М. Баткин отмечал: «Вычлененные из текста правила его организации, значения, общие места, мировоззренческие мотивы наверняка окажутся похожи на что-то еще, на как будто такие же правила и мотивы в других текстах или вовсе в других эпохах и регионах. В конечном счете: все было всегда, все подобно всему... Действительно: есть тысячелетние традиции, есть “вечные идеи”, есть эпохальные или даже межэпохальные, невероятно устойчивые черты сознания; отсюда можно двигаться к установлению совершенно уже сверхисторических, антропологических условий и структур. Во всяком случае, выясняется, что конкретное богатство текста сводимо к богатству ВНЕтекстовых, ПРЕДтекстовых, МЕТАтекстовых кодов и ментальностей. *Тогда сам текст, с его своеобразием, снят исследованием, открывающим в нем знакомое, общее с другими текстами.* Он воспроизводит, но не производит культуру...»⁷⁷ Предлагаемый же С.Я. Сендеровичем «нативистский план» «Повести временных лет» представляется не более чем очередной спекуляцией (хотя и достаточно остроумной). По словам самого исследователя, этот «план возможно обнаружить только в культурно-исторической перспективе, выходящей за рамки собственно русской истории, т.е. путем включения русской истории в тот контекст, в котором она возникла имен-

⁷⁶ Гинзбург К. Сыр и черви: картина мира одного мельника, жившего в XVI в. М., 2000.

⁷⁷ Баткин Л.М. Два способа изучать историю культуры // Вопросы философии. 1986. № 12. С. 107 (курсив мой. — И. Д.).

но как культурная история»⁷⁸. Очевидно, такое «включение» не требует от историка предварительного «внутреннего» анализа источника — достаточно определить время и место его возникновения.

До тех пор пока не будут предложены принципы редукции подобных методологических оснований в конкретную методику, позволяющую получать верифицируемые результаты, «контекстуальный» или «интертекстуальный» подход (при всей его соблазнительности) не может конкурировать с методом А.А. Шахматова. А всякая попытка разработки подобной методики, видимо, неизбежно (поскольку единственной реальностью, непосредственно доступной историка, были и остаются тексты) заставит вновь обратиться к текстологии — единственной дисциплине, результаты которой так или иначе можно проверить. Вопрос, судя по всему, лишь в том, что понимать под текстологией.

Видимо, настало время поставить вопрос о пределах использования филологической текстологии и разработке текстологии источниковедческой, или, лучше сказать, исторической, поскольку она решает не только собственно источниковедческие, но и конкретно-исторические проблемы: создание научных реконструкций исторического процесса.

ТЕКСТОЛОГИЯ ФИЛОЛОГИЧЕСКАЯ И ТЕКСТОЛОГИЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ

Текстология в рамках филологических (и, уже, литературоведческих) исследований и в рамках исследований исторических различается не столько методами и приемами работы с текстом, сколько целями и функциями.

И та, и другая занимаются установлением (в специальном смысле этого термина) текстов и их генеалогией, выявлением пропусков и вставок, а также определением источников, на которые опирались авторы и редакторы анализируемого произведения. Однако цели, которые они преследуют, различны. Цель текстологии филологической — определить текст произведения, который будет опубликован в качестве основного, в то время как все прочие будут использованы как разночтения, варианты данного произведения. На этом сходятся практически все специалисты в области текстологии / критики текста. «Задача текстологии состоит в том, чтобы получить текст, как можно более близкий к оригинальному (*constitutio textus*)», — писал Поль Маас⁷⁹. Это определение практически повторяет Р. Кенней: «Техника восстановления текстов в форме, как можно более

⁷⁸ Сендерович С.Я. Метод Шахматова, раннее летописание и проблема начала русской историографии. С. 494.

⁷⁹ Maas P. Textual Criticism. P. 1.

близкой к оригинальной, называется текстологией»⁸⁰. Согласен с ними и Дж. Постгейт: «Задачу “текстолога” можно определить как восстановление текста, насколько это возможно, в его оригинальной форме, если под “оригинальной формой” мы понимаем форму, задуманную автором»⁸¹. Цель такого восстановления — подготовка текста к публикации. «Считалось, что изучение рукописей ограничивается “добыванием” текста памятника, наиболее близкого авторскому оригиналу <...>, который должен быть положен в основу издания», — писал Д.С. Лихачев⁸². При этом он категорически отказал в подобной цели «современной» текстологии. Однако тут же неоднократно — в иных формах — вынужден был вернуться к ней: «Текстология ставит себе целью изучить историю текста памятника на всех этапах его существования в руках у автора и в руках его переписчиков, редакторов, компиляторов, т.е. на протяжении всего того времени, пока изменялся текст памятника. Только *путем полного изучения истории текста* памятника как единого целого, а не путем эпизодической критики отдельных мест может быть достигнуто и *восстановление первоначального авторского текста* памятника». И далее: «Сперва полностью изучить историю текста памятника, а потом его критически *издать*... — таков принцип, к которому постепенно приходят современные... текстологи-медиевисты»⁸³. Единственное принципиальное отличие «новой» текстологии от «старой» — то, что вторая руководствовалась диаметрально противоположным принципом: «сперва издать — потом исследовать: таков, в основном, был принцип старого русского литературоведения»⁸⁴. Впрочем, еще полвека тому назад В.Т. Пашуто отметил: «Идущий спор о том, как вести работу — сначала изучать, а потом публиковать или наоборот, кажется мне надуманным <...>; история науки свидетельствует о том, что это неразрывный процесс и едва ли стоит наперед отдавать предпочтение той или иной тенденции»⁸⁵.

Как видим, несмотря на стремление Д.С. Лихачева перенести акцент на изучение истории текста, текстология — как «старая», так и «новая» — продолжает определяться «как “система филологических приемов” к изданию памятников»⁸⁶. Мало того, теперь издание «памятника» прямо называется конечной целью, которую преследует текстология (для «старой» текстологии, по определению самого Д.С. Лихачева, публикация оказывалась про-

⁸⁰ Kenney R. History, Textual Criticism // Enciclopedia Britannica: Macropaedia. 15th ed. Vol. 20. Chicago, 1985. P. 676.

⁸¹ Postgate J.P. Textual Criticism // Enciclopedia Britannica. Vol. 14. 1929. P. 709.

⁸² Лихачев Д.С. Текстология. С. 30.

⁸³ Там же. С. 27 (курсив мой. — И. Д.)

⁸⁴ Там же. С. 26.

⁸⁵ Пашуто В.Т. Некоторые общие вопросы летописного источниковедения. С. 67.

⁸⁶ Лихачев Д.С. Текстология. С. 27 (со ссылкой на кн.: Томашевский Б.В. Писатель и книга: Очерк текстологии. 2-е изд. М., 1959. С. 30).

межуточным звеном в изучении текста). При этом, по существу, текстология продолжает оставаться «системой приемов к добыванию первоначального текста для его издания»⁸⁷.

Впрочем, Д.С. Лихачев давал и «широкое» определение текстологии: в советское время, по его мнению, «история текста памятника стала рассматриваться в самой тесной связи с мировоззрением, идеологией авторов, составителей тех или иных редакций памятников и их переписчиков. История текста явилась в известной мере *историей их создателей* и отчасти <...> их читателей»⁸⁸. Другой вопрос, что *такой* филологическая текстология пока так и не стала.

Основная же цель исторической текстологии, видимо, несколько иная. Она направлена не столько на установление «авторского» (оригинального) текста, сколько должна состоять в реконструкции генеалогии текста источника как таковой. Последняя включает решение ряда принципиально важных для историка вопросов, которые выходят за рамки профессиональных интересов текстологов-литературоведов или волнуют их, так сказать, факкультативно: имеет ли описание реальную основу? откуда автор получил информацию? можно ли ее проверить? и т.п.

Такая постановка вопроса не нова. Еще в 1966 г. С.Н. Азбелев дал определение «исторической» текстологии: «Текстология — вспомогательная историческая дисциплина, устанавливающая генетические взаимоотношения текстов путем сравнительно-исторического изучения их»⁸⁹. При этом, правда, не уточнялось, что дает историку такое сравнение.

Дело здесь не в том, лучше ли эта дефиниция того определения текстологии, которое дают филологи⁹⁰. Азбелев просто предложил определение *другой* текстологии — той, которая в большей степени волнует историков («вспомогательной исторической дисциплины»).

Главное заключается в том, что литературоведческую текстологию прежде всего интересует *окончательный* вариант текста произведения, подлежащий публикации («последняя воля автора», последнее прижизненное издание, «канонический» текст и т.п.), тогда как в центре внимания текстологии исторической находится *наиболее ранний*, а еще лучше — *первоначальный* (если это возможно установить) вариант текста источника: именно он предоставляет историку потенциальную возможность реконструировать реальный ход событий, в то время как все последующие трансформации этого текста свидетельствуют лишь о том, как то или иное

⁸⁷ Там же. С. 26.

⁸⁸ Лихачев Д.С. Текстология. С. 28.

⁸⁹ Азбелев С.Н. Текстология как вспомогательная историческая дисциплина. С. 91.

⁹⁰ Пашуто В.Т. Некоторые общие вопросы летописного источниковедения. С. 70.

событие воспринималось и осмыслялось (переосмыслялось) ближайшими или отдаленными потомками.

Итак, историческая и литературоведческая текстологии имеют частично совпадающий *объект изучения* — списки текстов. Однако у исторической текстологии этот объект шире, поскольку она изучает не только вербальные, но также визуальные и материальные тексты (в широком смысле этого слова). *Предмет исследования* у этих дисциплин различен: историческую текстологию интересует прежде всего содержание текста — ретроспективная информация, сохранившаяся в нем; литературоведческую же текстологию занимает преимущественно форма изложения. Соответственно, различаются цели и задачи этих дисциплин. *Цель* исторической текстологии — выявление в тексте исторического источника ретроспективной информации об интересующем историка событии, явлении или процессе. *Задачи*, которые она решает, в самом общем виде сводятся к: 1) доказательству, что данный текст является историческим источником; 2) классификации и первичной обработке различных видов ретроспективной информации, которая на следующем этапе исторического исследования становится основой научных реконструкций прошлого. При этом *методические приемы*, которыми пользуются как филологи, так и историки при работе с текстом, практически совпадают.

РАЗДЕЛ 1

ОСНОВНЫЕ ПОНЯТИЯ ИСТОРИЧЕСКОЙ ТЕКСТОЛОГИИ

1

ГЛАВА

ТЕКСТ

1.1. ОБЩЕЕ ПОНЯТИЕ ТЕКСТА

Приступая к изложению основных принципов, приемов и методов текстологии, а также использования ее данных и методов в историческом исследовании, следует определиться с терминологией, которая будет использоваться в дальнейшем изложении.

Прежде всего в определении нуждается базовое понятие, с которым связаны как историческое источниковедение, так и историческая и литературоведческая текстологии, обозначаемое термином *текст*.

Как уже говорилось, так называемое фактическое знание в истории по сути своей является реконструкцией прошлого, точнее, реконструкцией каких-то его элементов, которые могут быть воссозданы на основании ретроспективной информации, сохраненной историческими источниками. По точному выражению Ю.М. Лотмана, «в отличие от дедуктивных наук, которые логически конструируют свои исходные положения, или опытных, которые способны их наблюдать, историк обречен и м е т ь д е л о с т е к с т а м и. Условия опытных наук позволяют, по крайней мере в первом приближении, рассматривать факт как нечто первичное, исходно данное, предшествующее интерпретации. Факт наблюдается в лабораторных условиях, обладает повторностью, может быть статистически обработан. Историк обречен иметь дело с *текстами*. Между событием “как оно произошло” и историком стоит текст, и это коренным образом меняет научную ситуацию. Текст всегда кем-то и с какой-то целью создан, событие представит в нем в зашифрованном виде. Историк предстоит, прежде всего, выступить в роли дешифровщика. Факт для него не исходная точка, а результат трудных усилий. Он сам создает факты, стремясь извлечь из текста внетекстовую реальность, из рассказа о событии — событие»¹. Близкие мысли

¹ Лотман Ю.М. Внутри мыслящих миров: Человек-текст-семиосфера-история. М., 1996. С. 301–302.

высказывали М.М. Бахтин («текст — первичная данность (реальность) и исходная точка всякой гуманитарной дисциплины»²), Я.С. Лурье («источник — единственная эмпирическая основа наших исторических знаний»³), Ж. Дюби (источник — «единственно доступная им [историкам. — И. Д.] реальность»⁴) и др.

Любопытно, что еще 100 лет назад проблема определения текста, видимо, еще не волновала филологов: в «Литературной энциклопедии», изданной в 1925 г., не было даже такой статьи⁵. Зато начиная с 70-х годов прошлого века теория текста разрабатывалась довольно подробно с самых разных точек зрения⁶. Текст рассматривался как «целостный комплекс языковых, речевых и когнитивных факторов, неразрывное единство и взаимодействие которых и определяет его внутреннюю смысловую сущность»⁷.

Параллельно с этим в начале XX в. разработка представлений о человеческой деятельности как «объективизации духа» (В. Дильтей) привела к расширительному пониманию текста. В качестве такового было предложено рассматривать всю человеческую деятельность и ее результаты. Начиная с середины прошлого столетия представители постмодернизма склонны были в качестве текста рассматривать уже весь мир. Однако такое понимание текста выводило его за рамки гуманитарных наук. Как отмечал Л.Г. Андреев, «понимание текстов возможно лишь в “дискурсивном поле культуры”». Иначе говоря, их можно понять только в связи с другими текстами, но не в связи с каким-либо “буквальным” значением или нормативной истиной. Неизбежное присутствие предыдущих текстов — интертекстуальность — не позволяет любому тексту считать себя автономным. Деконструкция как общий метод постмодернистского анализа <...> неизбежно превращается в многосмысленный и бесконечный интерпретативный процесс, который релятивизирует любой текст, любое понятие, — и потому лишает смысла проблему истины. Таким образом, язык оказывается непостоянной средой, он не может непосредственно нести смысл или истину. Отсюда вытекает важнейший тезис постмодернизма о несамостоятельности

² Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. 2-е изд. М., 1986. С. 308

³ Лурье Я.С. О возможности и необходимости при исследовании летописей // ТОДРЛ. Т. 36. Л., 1981. С. 14

⁴ Дюби Ж. Развитие исторических исследований во Франции // Одиссей: Человек в истории. М., 1991. С. 52.

⁵ Литературная энциклопедия: словарь литературных терминов: в 2 т. М.; Л., 1925.

⁶ Гальперин И.Р. О понятии «текст»: матер. науч. конф. «Лингвистика текста». Т. 1. М., 1974; Синтаксис текста: сб. статей / под ред. Г.А. Золотовой. М., 1979; Структура текста / отв ред. Т.В. Цивьян. М., 1980; Москальская О.И. Грамматика текста. М., 1981; Текст в тексте // Уч. зап. Тартуского ун-та. Тарту, 1981. Вып. 567; Тураева З.Я. Лингвистика текста. М., 1986; Филиппов К.А. Лингвистика текста. СПб., 2007; Чернявская В.Е. Лингвистика текста: поликодовость, интертекстуальность, интердискурсивность. М., 2009; и мн. др.

⁷ Новиков А.И. Текст и смысловые доминанты. М., 2007. С. 10.

ности текста и о ненадежности знания, получаемого с помощью языка»⁸. С такой точкой зрения солидарен М.М. Бахтин, отмечавший, что «интерпретация смыслов не может быть научной», хотя тут же добавлял, что «она глубоко познавательна»⁹.

В настоящее время *текстом* (от лат. *textus* — ткань, сплетение, соединение) принято называть последовательность знаковых единиц, основными свойствами которой являются смысловая связность и цельность. В различных дисциплинах под *текстом* могут подразумеваться разные сущности: в языкознании — это последовательность вербальных (словесных) знаков (в том числе устная речь); в литературоведении — «письменное сообщение, объективированное в виде письменного документа, состоящее из ряда высказываний, объединенных разными типами лексической, грамматической и логической связи, имеющее определенный моральный характер, прагматическую установку и соответственно литературно обработанное»¹⁰; в семиотике — любая форма коммуникации (в том числе обряд, танец, ритуал и т.п.), осмысленная последовательность любых знаков¹¹.

Уже на начальных этапах становления филологических наук (к числу которых вплоть до второй половины XIX в. относилась история) исследователи исходили из того, что текст представляет собой внешнюю форму, выражение, проявление или, как сказали бы сегодня, объективацию духовной жизни автора. На это, в частности, одним из первых обратил внимание филолог и философ Георг Антон Фридрих Аст¹², это же качество текста подчеркивал Ф. Шлейермахер¹³. Вплоть до сего дня представление о том, что все тексты — это результат сознательной деятельности человека, является основой их изучения¹⁴.

Д.С. Лихачев определял текст как «языковое выражение замысла его создателя». «Для понятия текста, — отмечал выдающийся текстолог, — во всех случаях важно <...> следующее: он результат сознательного к нему отношения. Бессознательно сделанные ошибки рукописи не входят в понятие текста. Это внетекстовые явления, возникающие помимо воли создателя текста. К тексту не относятся особенности почерка рукописи, графики, типографского шрифта, рисунки автора на полях рукописи и проч.»¹⁵

⁸ Андреев Л.Г. Чем же закончилась история второго тысячелетия? Художественный синтез и постмодернизм // Зарубежная литература второго тысячелетия. 1000–2000: учеб. пособие / под ред. Л.Г. Андреева. М., 2001. С. 311

⁹ Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. С. 362.

¹⁰ Гальперин И.Р. О понятии «текст». С. 67.

¹¹ Николаева Т.М. Текст // Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В.Н. Ярцева. М., 1990. С. 507.

¹² Ast F. Grundlinien der Grammatik, Hermeneutik und Kriitik. Landshut, 1808. S. 178.

¹³ Шлейермахер Ф. Герменевтика. СПб., 2004. С. 156–157.

¹⁴ Лихачев Д.С. Текстология: на материале русской литературы X–XVII вв. СПб., 2001. С. 129.

¹⁵ Лихачев Д.С. Текстология: краткий очерк. М.; Л., 1964. С. 14, 15.

В то же время Д.С. Лихачев отметил, что «понятие “текст” недостаточно дифференцировано», это «понятие очень сложное», которое «требует еще своего изучения». Причем «основное, что отделяет текстовые явления от нетекстовых <...> — это их языковая сущность», а «к явлениям нетекстовым относится все то, что не может быть признано языковым выражением определенного смыслового ряда». Другими словами, «текст выражает произведение в формах языка. Следовательно, то, что не относится к формам языка, а относится к формам графики или является результатом случайных описок, случайных пропусков писца или случайных повторений текста, случайных в него вставок — к тексту не относится. Это особенности не текста, а самого списка, рукописи». Только «то, что относится к языку, относится к тексту», «язык же <...> — это форма текста», и «основное, что отделяет текстовые явления от нетекстовых <...>, — это их языковая сущность»¹⁶.

Впрочем, к текстовым явлениям могут быть отнесены некоторые явления графики (например, шрифтовые выделения)¹⁷. Добавим к этому, что для ранних письменных произведений к нетекстовым явлениям следует отнести разбивку на слова и абзацы (иногда и на строки, если речь идет об акростихах), а также знаки пунктуации, которые появляются в ряде современных изданий (если издание не осуществляется буква в букву, строка в строку), поскольку они привнесены в текст как одна из форм его интерпретации публикаторами.

Определения *текста*, предлагаемые филологами, вполне подходят для историков, хотя последние периодически (чаще всего в качестве иллюстраций к вербальным текстам) используют и тексты невербальные. Впрочем, для историков при определении вербальных текстов нужна одна оговорка.

Филологи признают текстом словесное высказывание, состоящее минимум из двух предложений (*сложное синтаксическое целое*, или *сверхфазовое единство*)¹⁸. В одном предложении, каким большим и распространенным оно ни было бы (состоящим из двух или более фраз), действуют синтаксические правила, а части высказывания не подчиняются законам текста. Для историков же текстом может являться одно предложение (например, граффито на стене центрального нефа, на третьем от алтаря южном крещатом столбе Киевской Софии, рядом с фреской, изображающей св. Пантелеймона, обнаруженное С.А. Высоцким: «Въ 6562 мѣсяца фѣввари 20 усьпене царя нашего въ въ... [далее 2 строки не читаются] Феодора»¹⁹,

¹⁶ Лихачев Д.С. Текстология. С. 128–130.

¹⁷ Там же. С. 130.

¹⁸ См., например: Реферовская Е.А. Коммуникативная структура текста в лексико-грамматическом аспекте. Л., 1989. С. 12–13.

¹⁹ Высоцкий С.А. Датированные граффити XI в. Софии Киевской // Советская археология. 1959. № 4. С. 243.

или новгородская берестяная грамота № 199 сер. XIII в., на лицевой стороне которой читается вся азбука и ряд слогов, а на оборотной — две записи: «А звѣре» и «Поклоно ѡт Онѡима ко Данильъ»²⁰. Это тем более оправданно, что в древнерусском языке деление текста на предложение довольно условно²¹. Мало того, в качестве текста историки могут рассматривать отдельные слова и даже простой набор букв (например, некоторые новгородские берестяные грамоты: № 74 сер. XII в., содержащая первые восемь букв славянской азбуки, а затем «какие-то росчерки, вообще не похожие на буквы»²², или № 200 сер. XIII в. — с именем «Онѡиме» и буквами «АБВГДЕЖШНІК»²³, и др.)²⁴. При этом атрибутом, существенным признаком текста, продолжает оставаться языковая форма.

Этот признак настолько важен и столь неразрывно связан с текстом, что многие современные лингвисты рассматривают текст как наиболее крупную единицу языковой системы, «абстрактную единицу языка наивысшего уровня»²⁵, которая изучается *лингвистикой текста*, позже трансформировавшейся в *дискурсивный анализ*²⁶. Так, по мнению И.Р. Гальперина, «текст представляет собой некое завершенное сообщение, обладающее своим содержанием, организованное по абстрактной модели одной из существующих в литературном языке форм сообщений (функционального стиля, его разновидностей и жанров) и характеризующееся своими дистинктивными [различительными] признаками»²⁷.

В дальнейшем мы будем исходить из определения *текста* как любого высказывания — независимо от его длины, сложности и содержательности (с точки зрения исследователя), — выраженного в той или иной языковой форме (вербальной, визуальной, материальной и т.п.). При этом следует помнить, что текст — понятие абстрактное: его можно произнести и услышать, а также записать, но вне своего материального носителя он не существует. Это — любой «определенный образ»²⁸, который «акт чтения превращает

²⁰ Арциховский А.В., Борковский В.И. Новгородские грамоты на бересте: из раскопок 1956–1957 гг. М., 1963. С. 17–20.

²¹ Подробнее см.: Ферран М. Монументальная фраза древнерусских писателей. М., 1999.

²² Арциховский А.В. Новгородские грамоты на бересте: из раскопок 1952 г. М., 1954. С. 75.

²³ Арциховский А.В., Борковский В.И. Новгородские грамоты на бересте. С. 20–21.

²⁴ Янин В.Л. Я послал тебе бересту... Изд. 3-е, испр. и доп. новыми находками; послесл. А.А. Зализняка. М., 1998. С. 50–70.

²⁵ Гальперин И.Р. Грамматические категории текста // Известия АН СССР: Сер.: Лит-ра и язык. 1977. Т. 36. № 6.

²⁶ Подробнее см.: Бархударов Л.С. Текст как единица языка и единица перевода // Лингвистика текста: матер. науч. конф. МГПИИЯ им. М. Тореза. М., 1974; Маслов Б.А. Проблемы лингвистического анализа связного текста: надфазовый уровень: учеб. пособие к спецкурсу. Таллин, 1975; Гальперин И.Р. Грамматические категории текста; и мн. др.

²⁷ Гальперин И.Р. Текст как объект лингвистического исследования. М., 2006. С. 20.

²⁸ Левайан Ж. Письмо и генезис текста // Генетическая критика во Франции: Антология. М., 1999. С. 130–131.

<...> в текст»²⁹. Поэтому «текст становится текстом не в результате процесса его создания (генезиса), а как следствие эффекта восприятия, которое вовсе не обязательно совпадает с авторским решением»³⁰.

Определенную трудность в этой дефиниции представляет само понятие *языка*. Дело в том, что язык — также научная абстракция, не существующая вне лингвистики. Как писал А.А. Реформатский, «языком можно владеть и о языке можно думать, но ни видеть, ни осязать язык нельзя. Его нельзя и слышать в прямом перцептивном значении этого слова»³¹. И.Р. Гальперин рассматривает язык «как некий код, в котором сигналы (фонемы, морфемы, лексемы, синтаксемы и стилистические приемы) организуются в целях передачи соответствующей информации, доступной всем реципиентам, владеющим этим кодом. Такой общеязыковой код, который представляет собой не что иное, как нормы литературного языка, разбивается на ряд субкодов — функциональные стили. Иными словами, литературный язык — это инвариант общей языковой системы, а функциональные стили — язык художественной литературы, язык газеты, язык научной прозы, язык официальных документов — являются вариантами этой общей языковой системы»³². По мнению французского поэта и философа Поля Валери, язык «не воспроизведение мысли — действительные мыслительные процессы ему недоступны, — но упрощенное и весьма отдаленное отображение этих процессов. Перейти от языка к мысли возможно лишь гипотетически»³³.

Наряду с таким узким пониманием языка в последние десятилетия появились и более широкие определения. Так, речь может идти о *языке культуры* — когда «все разнообразные невербальные параметры культуры, такие, как стиль одежды, планировка деревни, архитектура, мебель, пища, приготовление еды, музыка, физические жесты, позы, — организованы в модельные конфигурации так, чтобы включать закодированную информацию по аналогии со звуками, словами и предложениями обычного языка», а правила, устанавливающие порядок их сочетания и взаимодействия, имеют такой же смысл, как и грамматические правила, управляющие речевыми высказываниями³⁴. Такие языки (*культурные коды*) также используются для

²⁹ Э.Л. Текст не существует: Размышления о генетической критике // Генетическая критика во Франции: Антология. М., 1999. С. 124.

³⁰ Феррер Д. Шапка Клементиса: Обратная связь и инерционность в генетических процессах // Там же. С. 231.

³¹ Реформатский А.А. Дихотомическая классификация дифференциальных признаков и фонематическая модель языков // Вопросы теории языка в современной зарубежной лингвистике. М., 1961. С. 119.

³² Гальперин И.Р. Текст как объект лингвистического исследования. С. 30.

³³ Valéry P. Cahiers: 1894–1914. Т. 1. Р., 1987. Р. 247.

³⁴ Лич Э. Культура и коммуникация: логика взаимосвязи символов. К использованию структурного анализа в социальной антропологии. М., 2001. С. 17.

организации и передачи ретроспективной информации. В таком качестве они нуждаются в перекодировке, которая может представлять существенные трудности, поскольку сами языки культуры, как правило, слабо рефлексированы носителями и крайне редко ими вербализуются³⁵.

Соответственно, под *языком* мы в дальнейшем будем иметь в виду любую систему кодировки информации, хотя основное внимание, естественно, уделим текстам, выраженным в вербальных языках.

Информацией же мы будем называть любое сообщение, независимо от его объема, которое может быть переведено (перекодировано) на метаязык современной исторической науки³⁶. Р. Барт отмечал: «Логика учит нас плодотворному разграничению языка-объекта и метаязыка. Язык-объект — это сам предмет логического исследования, а метаязык — тот неизбежно искусственный язык, на котором такое исследование ведется. Логическое мышление как раз и состоит в том, что отношения и структуру реального языка (языка объекта) я могу сформулировать на языке символов (метаязыке)»³⁷. Текст, который не может быть подвержен такой перекодировке, соответственно, должен рассматриваться лишь как потенциальный носитель информации. Если речь идет о ретроспективной информации, — это так называемый «потенциальный исторический источник, или “предысточник”»³⁸ (впрочем, сам С.О. Шмидт, предложивший этот термин, рассматривал его шире — для обозначения всех текстов, которые по тем или иным причинам еще не стали объектом изучения историков). Так, например, было с текстами, написанными иероглифической письменностью майя — до расшифровки ее Ю.В. Кнорозовым.

Итак, в дальнейшем изложении мы будем пользоваться следующими определениями. **Текст** — любое высказывание, выраженное в языковой форме. **Язык** — любая система кодировки информации. **Информация** — любое сообщение, которое может быть переведено (перекодировано) на метаязык современной исторической науки.

³⁵ См., например: Голубовский Д.А. Невербальная коммуникация в древнерусских письменных источниках: опыт семантического анализа: автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2009.

³⁶ Термин «метаязык» (от *греч.* meta — после, за, через) используется для обозначения искусственного языка, с помощью которого описываются другие языковые системы.

³⁷ Барт Р. Литература и метаязык // Барт Р. Нулевая степень письма. М., 2008. С. 115.

³⁸ Шмидт С.О. Современные проблемы источниковедения // Источниковедение: Теоретические и методические проблемы / под ред. С.О. Шмидта. М., 1969. С. 30–31.

1.2. ВЕРБАЛЬНЫЕ ТЕКСТЫ: ПРОБЛЕМЫ ПЕРЕКОДИРОВКИ

Как отмечают специалисты-филологи, основной трудностью в перекодировке информации вербального текста является незнание вариантов языкового кода. При этом различают общезыковую код (правила сочетания морфем, слов, предложений) и его варианты, зависящие от типа текста³⁹. Здесь на помощь историку приходят исторические словари того или иного языка, подготовленные лингвистами. Так, при работе с древнерусскими текстами используют «Материалы для словаря древнерусского языка» И.И. Срезневского⁴⁰, «Словарь древнерусского языка XI–XIV вв.»⁴¹, «Словарь русского языка XI–XVII вв.»⁴², «Старославянский словарь»⁴³ и др.

Обращение к ним полезно даже в тех случаях, когда смысл текста кажется вполне ясным.

Так, на первый взгляд, не вызывает трудностей в понимании хорошо известное летописное сообщение о том, как после захвата Царьграда в 907 г. князь Олег «повѣси щит свои въ вратах»⁴⁴ столицы Византии. Правда, объяснить, зачем Олег повесил свой щит на ворота Константинополя, долгое время не удавалось. Отмечалось только, что это «было, по-видимому, в древней Руси знаком победы, при этом связанным с каким-либо ритуалом»⁴⁵.

Основанием для такого мнения служит разъяснение, приведенное в самой «Повести временных лет»: щит повешен, «показавше побѣду». Однако, слово *побѣда* в X–XII вв. имело гораздо более широкий спектр значений: от ‘поражения’ до ‘победы’⁴⁶. Кроме того, в Успенском сборнике XII–XIII вв. встречается производное от него слово *побѣдъница* — ‘заступница, защитница’⁴⁷. К тому же, по наблюдению А.С. Львова, все слова с основой *побѣд-*, встречающиеся в «Повести временных лет», являются «книжными» и используются в тех случаях, когда летописец стремился «излагать мысль так же, как и в церковных книгах»⁴⁸. Это позволяет несколько иначе

³⁹ Гальперин И.Р. Текст как объект лингвистического исследования. С. 30.

⁴⁰ Срезневский И.И. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам: в 3 т. Т. 3. СПб., 1893–1903.

⁴¹ Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 1–30 (изд. продолжается). М., 1975–2017 [далее: СлРЯ XI–XVII вв.].

⁴² Словарь древнерусского языка: XI–XIV вв. Т. 1–11 (изд. продолжается). М., 1988–2016 [далее: СлДрЯ XI–XIV вв.].

⁴³ Старославянский словарь: по рукописям X–XI веков / под ред. Р.М. Цейтлин, Р. Вечерки, Э. Благовой. М., 1994.

⁴⁴ Лаврентьевская летопись. Стб. 32.

⁴⁵ Лихачев Д.С. Комментарии // Повесть временных лет. СПб., 1996. С. 419.

⁴⁶ СлРЯ XI–XVII вв. Вып. 15: Персть — Подмышка. С. 120.

⁴⁷ Успенский сборник XII–XIII вв. М., 1971. С. 307; ср.: СлРЯ XI–XVII вв. Вып. 15. С. 122.

⁴⁸ Львов А.С. Лексика «Повести временных лет». М., 1975. С. 308, 317.

понять данное сообщение: оно могло означать, что Олег берет город под свою защиту.

Так, в частности, (хотя и на других основаниях) полагает А.Л. Никитин. Он видит в этой легендарной детали описания похода 907 г. «еще одно доказательство мирных намерений Олега»: «различные знаки, изображения и предметы, которые помещали на башнях и воротах крепостей, выполняли роль талисманов и оберегов, служили защитой от врага и злоумышленника, будучи в прямом смысле слова “щитом” городу и его жителям. С той же целью над городскими воротами помещали иконы, кресты и гербы. Кроме того, как показал Я.К. Грот, выражение “поднять щиты” для предводителя одной из воюющих сторон в ту эпоху означало призыв к перемирию и началу переговоров»⁴⁹. Поэтому можно утверждать, что, вешая свои щиты на башнях Константинополя, “русы” объявляли о готовности отныне защищать этот город вместе с его обитателями. Если вспомнить, что вскоре в византийской армии появляются отряды “русов” (морская экспедиция на Крит 911–912 гг.), а сами греки наименовали Олега “святым Димитрием”, то подобное утверждение вряд ли покажется слишком смелым»⁵⁰. Конечно, можно сомневаться в правомерности такой трактовки летописного текста, однако некоторые основания для этого, безусловно, есть.

Свободное владение лексикой, морфологией и грамматикой — обязательное условие верного понимания прочитанного. Кажется, это требование настолько очевидно и тривиально, что не нуждается в отдельных комментариях. Тем не менее этот момент следует подчеркнуть особо. Порой даже отличное знание языка произведения не избавляет исследователя от ошибок в понимании текста. Только учет всех возможных вариантов прочтения каждой фразы является залогом того, что ретроспективная информация воспринята верно.

Приведем пример.

Новгородская берестяная грамота № 199, датируемая XIII в., является одной из самых известных⁵¹. Она написана неким Онфимом (как принято считать, мальчиком лет 6–7⁵²). На внешней стороне грамоты рядом с рисунком, изображающим какое-то животное, имеются две фразы: «Поклоно ѿ Онѣима ко Данилѣ» и «Я звѣре». Традиционно их рассматривают как два не связанных между собой предложения: «Поклон от Онфима к Даниле» и «Я зверь». Второе предложение обычно считают подписью к рисунку:

⁴⁹ Грот Я.К. Труды. Т. 1. Из скандинавского и финского мира. СПб., 1898. С. 736, 894 [примеч. А.Л. Никитина].

⁵⁰ Никитин А.Л. Основания русской истории: Мифологемы и факты. М., 2001. С. 180.

⁵¹ Арциховский А.В., Борковский В.И. Новгородские грамоты на бересте. С. 17–20.

⁵² Арциховский А.В. Берестяные грамоты мальчика Онфима // Советская археология. 1957. № 3. С. 215–224.

«Зверь сам себя рекомендует»⁵³. С такой трактовкой текста грамоты согласились практически все последующие исследователи — как историки, так и профессиональные лингвисты⁵⁴. Между тем в этой фразе слово «а» может обозначать не только личное местоимение 1 лица единственного числа (такое написание характерно для новгородских берестяных грамот⁵⁵), но и 3 лицо единственного числа прошедшего времени (аориста) глагола *ати* (*ѣти*) — ‘схватить, поймать, ранить’⁵⁶. На это обратила внимание болгарский языковед А. Стаменова⁵⁷. По ее мнению, Онфим, скорее всего, не называл себя зверем и не писал от имени зверя, а отметил, что некий Данила зверя ранил (или поймал), за что автор грамоты ему и кланяется. Такое понимание текста берестяной грамоты № 199 имеет целый ряд преимуществ. Во-первых, как отмечает исследовательница, передача личного местоимения 1 лица буквой *а* иногда употреблялось вместо верного “я” из-за фонетического сходства, но вопреки этимологии. Зато передача аориста 3 лица единственного числа глагола *ати* формой *а* этимологически безупречна. Во-вторых, при такой трактовке обе фразы оказываются связанными между собой. Наконец, в-третьих, рисунок Онфима, скорее всего, подтверждает такое предположение: на нем изображен некий зверь, пораженный стрелой. Традиционно она воспринималась как несколько странный язык, высунутый изображенным существом⁵⁸. Однако «то, что А.В. Арциховский и В.Л. Янин только сравнивали со стрелой, как раз и может быть изображением стрелы, вонзившейся в голову животного, и от которой осталось торчать только оперение»⁵⁹.

Этот пример еще раз показывает, что при работе с текстом источника следует принимать во внимание все возможные варианты его прочтения.

Работая с латиноязычными источниками, следует помнить, что в средневековой Европе «на основании Библии создается особый литературный язык, язык т р а д и ц и о н н ы й, вырабатывающийся и усваиваемый целыми поколениями. Это не просто латинская речь, а о с о б ы й ц е р к о в н о - л а т и н с к и й я з ы к, полный условностей и трафаретов, причудливая смесь классических, библейских и патристических эле-

⁵³ Арциховский А.В. Берестяные грамоты мальчика Онфима. С. 218; Арциховский А.В., Борковский В.И. Новгородские грамоты на бересте. С. 20.

⁵⁴ Янин В.Л. Я послал тебе бересту... С. 57, 59; Зализняк А.А. Древненовгородский диалект. Изд. 2-е, перераб. с учетом материалов находок 1995–2003 гг. М., 2004. С. 476.

⁵⁵ Там же. С. 822.

⁵⁶ Срезневский И.И. Материалы для словаря древнерусского языка. Т. 3. Стб. 1669–1670.

⁵⁷ Стаменова А. Значение одного слова и текст новгородской грамоты на бересте № 199 // *Palaeobulgarica/Старобългаристика*. 2017. № 2. С. 21–32.

⁵⁸ Арциховский А.В. Берестяные грамоты мальчика Онфима. С. 217; Арциховский А.В., Борковский В.И. Новгородские грамоты на бересте. С. 20; Янин В.Л. Я послал тебе бересту... С. 57.

⁵⁹ Стаменова А. Значение одного слова... С. 30.

ментов, для уразумения которого нам нужен не Du-Cange⁶⁰, а хорошее знание Вульгаты»⁶¹.

Кроме того, необходимо учитывать, что помимо значений, зафиксированных лингвистами, могут существовать и так называемые нелексикографируемые смыслы слов⁶². В их выявлении могут быть полезны этимологические словари⁶³.

Так, свое «Сказание о Магмет-салтане» Иван Пересветов (XVI в.) завершает вымышленным диалогом между православными греками и католиками. Последние утверждают: «если к той истинной вере христианской [которая пребывает на Руси. — *И. Д.*] да правда турецкая [которой, по словам Ивана Пересветова, обладает Магмет-салтан. — *И. Д.*], ино бы с ними ангелы беседовали», на что греки возражают: «А естъли бы к той правде турецкой да вера христианская, ино бы с ними ангелы беседовали»⁶⁴. Другими словами, автор «Сказания» считает, что *правда* важнее *веры*. Смысл этого утверждения долгое время порождал споры среди специалистов⁶⁵. И лишь гипотеза, что слово *въѣра* в XVI в. означало не только 'вера, вероисповедание, религиозное чувство' (значения, зафиксированные в исторических словарях русского языка), но и 'религиозный обряд', а правда — не только 'правда, истина, справедливость', но и 'уверенность в невидимом' (т.е. то, что апостол Павел в Послании к Евреям называет верой), позволило понять, о чем идет речь в источнике⁶⁶.

Проблема перевода (перекодировки) вербального текста исторического источника на метаязык современной науки ставит еще одну большую проблему, которая в свое время вызвала довольно острую дискуссию в отечественной историографии. Дискуссия развернулась в связи с выходом в свет, наверное, самого известного труда А.Я. Гуревича «Категории средне-

⁶⁰ Здесь — классическая латынь.

⁶¹ *Егоров Д.Н.* Славяно-германские отношения в средние века: Колонизация Мекленбурга в XIII в. Т. 1: Материал и метод. М., 1915. С. 111.

⁶² Подробнее см.: *Камчатнов А.М.* Лингвистическая герменевтика: на материале древнерусских рукописных источников. М., 1995.

⁶³ *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка (любое издание); Этимологический словарь славянских языков: праславянский лексический фонд. 40 вып. (изд. продолжается). М., 1974–2016; и др.

⁶⁴ *Пересветов И.С.* Сочинения / подг. текста А.А. Зими́на. М.; Л., 1956. С. 161.

⁶⁵ *Будовниц И.У.* Русская публицистика XVI века. М., 1947. С. 208–218; *Зимин А.А.* И.С. Пересветов и русские вольнодумцы XVI века // Вопросы религии и атеизма. 1955. № 3. С. 311; *Лихачев Д.С.* Иван Пересветов и его литературная современность // Пересветов И. Сочинения. С. 28–56; *Сакетти А.Л., Сальников Ю.Ф.* О взглядах И. Пересветова // Вопросы истории. 1957. № 1. С. 117–121; *Зимин А.А.* И.С. Пересветов и его современники: Очерки по истории русской общественно-политической мысли середины XVI века. М., 1958. С. 392–405; и мн. др.

⁶⁶ *Юрганов А.Л., Данилевский И.Н.* «Правда» и «вера» русского средневековья // Одиссей. Человек в истории: Культурная история социального. 1997. М., 1998. С. 146–170; *Юрганов А.Л.* Категории русской средневековой культуры. М., 1998. С. 33–116.

вековой культуры»⁶⁷. Говоря о первом обсуждении только что вышедшей книги в «узком кругу» единомышленников, Л.М. Баткин вспоминал: «Помнится, меня особенно занимало, откуда А.Я. взял сам набор “категорий”, посредством которых он организовал материал, очертил средневековую “картину мира”. “Время”, “пространство”, “труд”, “богатство”, “свобода” и т.д. — сетка координат слишком общих, всеисторических, вездесущих. И очень... наших. Несмотря на самоочевидную фундаментальность или именно благодаря ей, современный историк находит эти понятия в готовом виде в собственной голове — и накладывает извне, на чужую культуру. Но не следует ли искать ключевые слова-понятия *внутри* умственного состава изучаемой культуры? Не может ли оказаться, что эта культура *per se* <...> сознавала мир, выстраивала себя вокруг *иных* “категорий” <...> и что “картина мира” была своеобразной прежде всего из-за незнакомого нам культурного языка, иных логических начал мышления, способов духовного самоформирования? Конечно, непременно выяснится, что “они” трактовали пространство или труд не так, как мы. Но откуда заранее известно, что “они” и “мы” вообще говорим об одном и том же? — даже если таков буквальный перевод “*spatium*”, “*locus*” и “*labor*”. <...> Любой попытке реконструкции поэтому предшествует проблема перевода»⁶⁸.

Ответом на эти вопросы стали следующие рассуждения А.Я. Гуревича: «Я отдаю себе отчет в том, что такие аспекты миропонимания, как время, пространство, роль права, социальная организация человеческих коллективов, понятия собственности, богатства и бедности, наконец, вопрос о личности, были вольно или невольно продиктованы пониманием современной мне действительности. Модель мира человека второй половины XX в. витала в подсознании историка. Анализируя самые различные и разрозненные исторические памятники средневековья, я искал ответы на эти вопросы. Но вот что произошло в дальнейшем. Исследуя новые для меня жанры источников, я встретился в текстах проповедей немецкого францисканца XIII в. Бертольда Регенбургского с поучением о “дарах”, которые вручены Творцом каждому человеку. За употребление этих даров христианин должен будет дать ответ по окончании своего земного существования. Это “персона”, личность; это “призвание” индивида, предполагающее его права-обязанности, его социально-юридический статус и профессию; это его богатство и ответственность; это время его жизни и, наконец, “любовь к ближнему”, т.е. его включенность в коллектив и отношения с себе подобными⁶⁹. В проповеди

⁶⁷ Гуревич А.Я. Категории средневековой культуры. М., 1972.

⁶⁸ Баткин Л.М. О том, как А.Я. Гуревич возделывал свой аллод // Одиссей: Человек в истории. Картина мира в народном и ученом сознании. М., 1994. С. 8.

⁶⁹ Гуревич А.Я. Средневековый мир: культура безмолвствующего большинства. М., 1990. С. 198 и след.; Гуревич А.Я. Избранные труды. Т. 2: Средневековый мир. М.; СПб., 1999. С. 388–450.

ученого монаха, действовавшего в самой гуще общества, я нашел в концентрированном выражении, собственно, всю программу своих исследований, начатых задолго до того, как я прочитал этот в высшей степени знаменательный текст. Итак, ответы на мои вопросы, в немалой мере порожденные моей принадлежностью к собственной культуре, были даны прежде, чем я их задал. Разумеется, мысли средневекового проповедника сконцентрированы в совершенно ином контексте, нежели тот, который строит современный исследователь. <...> Иными словами, дискурсы монаха периода “междоцарствия” в Германии, с одной стороны, и историка конца XX в. — с другой, совершенно различны, а потому и смысл употребляемых в разные эпохи понятий (“личность”, “богатство”, “призвание”, “время”) глубоко изменился. Ответы, посланные представителем мира, строившегося на религии и свойственной ей системе ценностей, встретились с вопросами, сформулированными в интеллектуальном универсуме, который обладает иной природой. Отсюда — необходимость “перекодировки” моих вопросов и посильного проникновения в смысл полученных из прошлого ответов»⁷⁰.

Десятилетие спустя А.Л. Юрганов попытался разубить этот «гордиев узел», заняв, как он полагал, сторону Л.М. Баткина: «Спор историков символичен. Речь идет, в сущности, о разных и *равноправных* путях категориального анализа. А.Я. Гуревич предложил изучать европейскую культуру путем выявления в ней универсалистских категорий. <...> Мы идем другим магистральным путем — близким к тому, о котором полемически заостренно рассуждал Баткин <...>». Для того чтобы двинуться по этому «магистральному пути» А.Л. Юрганов решил использовать в своей работе те категории, которые он обнаружил в источниках, ключевые слова-понятия, отысканные, говоря словами Л.М. Баткина, «внутри умственного состава изучаемой культуры». В частности, А.Л. Юрганов отметил: «Мы знаем, что “власть” и “собственность” взаимосвязаны и определяют своим типом синтеза структуру государства, характер общества. В наш категориальный аппарат входит и римское право, и современная политология. Не владевший римским правом русский средневековый человек, тоже имел свои понятия о соотношении “власти” и “собственности”, но заключал их в другие слова, которые создавали вокруг себя свои лексико-семантические поля с мощными коннотативными включениями. Словами “пожаловал” и “благословил” решались главные проблемы юрисдикции Русского государства, отношения верховной власти и человека. За каждым из этих понятий — целый мир, полный драматизма, внутренних противоречий»⁷¹.

⁷⁰ Гуревич А.Я. «Территория историка» // Одиссей: Человек в истории. 1996. М., 1996. С. 84–85.

⁷¹ Юрганов А.Л. Категории русской средневековой культуры. С. 23–27.

Что дало основания утверждать, будто именно слова «благословить» и «пожаловать» соответствуют современным категориям «власть» и «собственность», автор, правда, не уточнил, ограничившись приведенными общими рассуждениями. Однако заявка была сделана: ожидалось, что в данном исследовании будут использоваться «родные» для русского средневековья категории. Возникла, правда, проблема, на которую А.Л. Юрганов не обратил внимания, но которая рано или поздно должна была встать перед ним: проблема «перевода» этих понятий на *актуальный* язык современной исторической науки, проблема перекодировки ключевых слов. Без этого ученый рискует настолько глубоко уйти, «включиться» в свой материал, что восприятие читателями такого исследования станет столь же проблематичным, как и прочтение исходных текстов. Да и как реконструировать понятия, для которых нет определений в современном лексиконе? Ведь любое *описание* в конечном счете тоже перекодировка, а следовательно, искажение исходного образа...

Вторая глава книги А.Л. Юрганова действительно называется: «“Благословить” или “пожаловать”?» На этом, однако, все и закончилось. Порасуждав в первых абзацах о соотношении власти и собственности, исследователь написал: «Прежде всего, возникает проблема — можно ли обезопасить себя от “вчитывания” своих смыслов в источники, если мы не можем отказаться от языка науки <...>. Если помнить о том, что метаязык науки — лишь способ перекодировки той информации, которая извлекается из исторического материала, то исследователь способен, правильно выбрав “свою территорию”, постигать прошлое, не навязывая источникам своих представлений. При анализе механизмов власти и собственности необходимо найти для диалога соответствующие нашим вопросам репрезентативные источники». После этого разговор был переведен в привычное русло: «Итак, нас интересует, как сама власть в лице великого князя, государя всея Руси определяла свое отношение к собственности»⁷². Не утруждая себя поисками слов, которые в изучаемых источниках фиксировали бы отношения, близкие к тем, которые мы называем властными и имущественными, исследователь начал искать источники, в которых, по его мнению, отразились интересующие его современные категории: «власть» и «собственность». То есть пошел по пути не от источника, а от собственных представлений.

Более продуктивным представляется иной подход: отыскивать в источниках слова, которые могут включать интересующие исследователя смыслы, а потом — используя прямые или косвенные определения интересующей лексемы или словосочетания в тех же источниках — постараться

⁷² Юрганов А.Л. Категории русской средневековой культуры. С. 117–118.

определить их семантическое наполнение и передать его метаязыком современной исторической науки⁷³.

Подобный анализ, например, позволяет отказаться от «прямого» перевода выражения «Руская/Русьская земля», встречающееся в «Повести временных лет», термином «Древнерусское государство» и дифференцировать два основных смысла, скрывающихся за этим словосочетанием: 1) узкий (некое географическое понятие, территория которого включает бассейны рек Горынь и Припять, а также узкую полосу левобережья Днепра) и 2) широкий (этноконфессиональное понятие, охватывающее все территории, население которых исповедует христианство и при этом службу ведет на славянском языке).

Итак, перекодировка информации вербального текста требует знания вариантов языкового кода, свободного владения лексикой, морфологией и грамматикой. При этом необходимо учитывать все возможные варианты прочтения каждого слова и каждой фразы.

1.3. НЕВЕРБАЛЬНЫЕ ТЕКСТЫ: ПРОБЛЕМЫ ПЕРЕКОДИРОВКИ

Особые трудности возникают при перекодировке невербальных текстов (изображений, вещей и других материальных объектов и т.п.). В подавляющем большинстве случаев их вербализация проводится на интуитивном уровне. При этом преобладают эмоционально-оценочные суждения, опирающиеся на общее впечатление, которое эти тексты производят на исследователя.

1.3.1. При всей кажущейся очевидности, **визуальные тексты** далеко не всегда просто вербализовать — корректно описать словами. Рассмотрим несколько примеров.

Миниатюры Радзивилловской летописи привлекают особое внимание историков. Это один из немногих образцов «нарративных» миниатюр, тесно связанных с летописным текстом. Они дают нам уникальные визуальные образы ранней истории Руси. Первым шагом в освоении историками миниатюр Радзивилловской летописи стало их буквальное «прочтение». Классическая монография А.В. Арциховского на многие годы определила

⁷³ Один из возможных путей выявления латентных смыслов лексем источника и их выражения в метаязыке современной науки предложила, например, Л.М. Брагина (*Брагина Л.М. Опыт исследования философского трактата XV в. методом количественного анализа // Математические методы в исторических исследованиях: сб. статей / отв. ред. И.Д. Ковальченко. М., 1972. С. 125–140*).

магистральное направление их анализа: сравнение визуальных образов с археологическими реалиями⁷⁴. Такой путь позволил сделать ряд важных выводов относительно датировки миниатюр. В частности, удалось доказать, что часть миниатюр восходит к визуальным протографам XII в. Однако он же оказался тупиковым направлением в понимании визуального текста, оставленного нам неизвестными летописцами. Неясными оставались пути и методы, которыми следовал древнерусский миниатюрист при перекодировке вербальной информации в визуальные образы. Тем не менее первый шаг в работе с древнерусскими визуальными источниками был сделан. С тех пор миниатюры Радзивиловской летописи постоянно привлекают внимание историков. Правда, чаще всего их используют в качестве простых иллюстраций к историографическому нарративу. «Очевидность» значений и смыслов этих изображений сыграла при этом не последнюю роль. Прямые ассоциации стали основным инструментом в работе с ними — и основным препятствием на пути понимания языка древнерусских изображений. До недавнего времени единственной сложностью их восприятия представлялось освоение современным исследователем особенностей «внешних» пространственно-временных форм изображений XII–XV вв. А.В. Арциховский не сомневался, что содержание миниатюр полностью соответствует летописному тексту: «Иллюстратор следовал тексту настолько точно, что даже почти все мелкие аксессуары соответствуют тем или иным словам летописца». Расхождения между текстом и изображениями, по мнению исследователя, в основном сводились к мелким несоответствиям: «например, меч вместо сабли, сабля вместо меча», или на изображении убийства Андрея Боголюбского ясно видно, что у Андрея отрублена левая («шуя») рука, а не правая («десная»), как указано в тексте летописи⁷⁵. Смысл лишь двух или трех изображений казался ему не вполне ясным⁷⁶. В основе такого прочтения лежало убеждение, что «художник аскетически воздерживается от сообщения зрителю чего-то такого, чего нет в тексте летописи»: «все подчинено рассказу»⁷⁷.

Скорее всего, это действительно так. Вопрос, однако, в том, насколько сложен сам «иллюстрируемый» вербальный текст. Д.С. Лихачев настаивал на одноплановости летописных сообщений, которые, по его словам, представляли собой светский жанр литературы и являлись «моментом

⁷⁴ Арциховский А.В. Древнерусские миниатюры как исторический источник. 2-е изд. Томск; М., 2004 (1-е изд. М., 1944).

⁷⁵ Радзивиловская летопись // ПСРЛ. Т. 38. Л., 1989. С. 138; ср.: Радзивиловская летопись: Факсимильное воспроизведение рукописи. СПб.; М., 1994. Л. 215 в. (здесь и далее в. обозначает верхнюю миниатюру на листе, а н. — нижнюю; если на листе помещена только одна миниатюра, дополнительное указание не дается).

⁷⁶ Арциховский А.В. Древнерусские миниатюры как исторический источник. С. 31.

⁷⁷ Лихачев Д.С. Поэтика древнерусской литературы. Изд. 3-е, доп. М., 1979. С. 47.

историко-юридическим», лишь «в какой-то степени» представляя художественное сознание⁷⁸. Между тем есть все основания утверждать, что текст летописи многослоен и полисемантичен, причем количество смыслов вряд ли поддается точному учету. Соответственно, миниатюры, сопровождающие текст, скорее всего, должны включать несколько смысловых уровней, которые нуждаются в выявлении и перекодировке. Но даже представление о буквальном следовании миниатюриста вербальному тексту не могло снять проблемы необходимости символического истолкования летописных миниатюр — на это, в частности, наталкивали отмеченные А.В. Арциховским «мелкие несоответствия» текста и изображения под ним. На это обратил внимание Д.С. Лихачев: «А.В. Арциховский <...> мало считался с условностью повествовательного языка миниатюриста. Между тем, чтобы выявить реальное, следует прежде всего убрать нереальное — условное, увидеть столкновение реального с условным и точно знать весь изобразительный язык миниатюриста» (хотя тут же подчеркивал, что миниатюрист часто понимал символы и аллегории вербального повествования буквально, конкретизируя их)⁷⁹.

Однако попытки раскрыть символические смыслы изображений, сопровождающих вербальный текст, — при всей их соблазнительности — с очевидностью показали отсутствие достаточных оснований для верификации получаемых результатов⁸⁰.

В связи с перекодировкой миниатюр на вербальный язык возникает целый ряд вопросов. Пока даже не сформулированы проблемы полноты и способов передачи в визуальном коде символического, аллегорического и нравственного смысловых рядов средневекового текста. Мало того, до сих пор не выработаны общие подходы к изучению вопросов корреляции текста с той или иной стороной миниатюры. Скажем, неясно, с какой частью текста связана цветовая символика миниатюры, а с какой — символика жеста и т.п. Должна быть разработана методика выявления таких связей, возможно, с применением элементов контент-анализа — не только вербального, но и изобразительного текста древнерусских лицевых рукописей. Это позволит на более высоком уровне «превращать» визуальные тексты в тексты вербальные.

1.3.2. С наименьшими проблемами сталкивается историк при перекодировке *рельефных изображений*.

Так, например, вряд ли можно доказать, что терзаемое грифоном или львом животное, изображенное на стенах Дмитриевского храма во

⁷⁸ Там же. С. 65.

⁷⁹ Там же. С. 42, 41.

⁸⁰ См.: Экскурс 6. Казус трубачей.

Владимире-на-Клязьме, является именно ланью, как это утверждают некоторые искусствоведы, ссылаясь на его «видовые признаки»⁸¹. Однако это может вовсе не соответствовать тому, кого именно хотел изобразить древнерусский скульптор. Достаточно вспомнить совершенно невероятные описания и изображения животных в древнерусских и южнославянских рукописях. Например, в книжных миниатюрах того времени хорошо известный в древней Руси бобр представлялся «в виде зверя, похожего на медведя или волка, с длинным хвостом, острыми когтями или растопыренными пальцами <...>; может иметь голову и хвост хищного зверя, а ноги копытного животного <...> или двупалые конечности». И лишь в единичных случаях встречаются изображения, «видовые признаки» которого (зверь «коричневого цвета <...> с круглой головой и круглыми ушами, с толстым чешуйчатым хвостом “лопатой”») напоминают обычного бобра⁸². Соответственно, и символический смысл не вполне верно воспринятых изображений будет искажен. Так, в приведенном выше примере лань трактуется как символ жертвенности Христа или как христианская душа⁸³. Между тем ни в одной древнерусской рукописи такая символика лани не фиксируется⁸⁴.

Показательна в этом отношении и дискуссия о том, кто изображен на фасадах владимирского Дмитриевского собора: Соломон (как считали П.Н. Кондаков, Н.В. Малиций и Г.К. Вагнер) или Давид (по мнению Б.А. Рыбакова, В.Н. Лазарева, Н.Н. Воронина и В.П. Даркевича). Лишь надпись «Давид», обнаруженная во время реставрационных работ, проводившихся в середине 70-х годов прошлого века, поставила точку в этих спорах. Как видим, без вербального «сопровождения» визуальные (в том числе рельефные) тексты (изображения) могут пониматься и трактоваться весьма произвольно.

1.3.3. Еще сложнее «вербализовать» **вещественные источники**. Этому вопросу уделялось мало внимания. Одним из первых обозначил эту проблему В.Л. Янин⁸⁵. Говоря о нумизматике, он отмечал, что она «сохраняет характер вспомогательной дисциплины лишь в частных ее проявлениях. Так, установление нумизматическими методами хронологии иконографических явлений передает искусствоведам препарированный и критически проверенный материал. То же касается эпиграфического аспекта этой дис-

⁸¹ См., например: *Гладкая М.С.* Рельефы Дмитриевского собора во Владимире: опыт комплексного исследования. М., 2009. С. 52, 54, 79 и др.

⁸² *Белова О.В.* Славянский бестиарий: Словарь названий и символики. М., 2001. С. 64.

⁸³ *Гладкая М.С.* Рельефы Дмитриевского собора во Владимире. С. 82.

⁸⁴ См.: *Белова О.В.* Славянский бестиарий. С. 155.

⁸⁵ *Янин В.Л.* К проблеме интеграции в изучении вещественных и письменных источников по истории русского средневековья // История СССР. 1973. № 8. С. 67–78; *Янин В.Л.* Очерки комплексного источниковедения: средневековый Новгород. М., 1977. С. 5–21.

циплины или исходных нумизматических характеристик явлений геральдики, династической хронологии, исторической географии, истории техники и ремесла, языковедения и т.д. Во всех этих и им подобных случаях нумизматика, выполнив свои источниковедческие задачи, передает материалы специалистам иных профилей»⁸⁶. При этом, однако, не уточнялось, что имеется в виду под «препарированными и критически проверенными материалами», а также в каком виде они передаются «специалистам иных профилей». Очевидно, что речь должна идти о некоей перекодировке ретроспективной информации, имеющейся в вещественных источниках (монетах и монетных кладах, вислых печатях и т.п.), так сказать, ее переводе в вербальную форму. Однако эта проблема пока оставалась «за кадром».

Наиболее близко подошел к ее решению Л.С. Клейн. В его статьях и пособиях по теоретической археологии проблемы изучения материальных объектов, извлечения из них ретроспективной информации и ее перекодировка в метаязык современной исторической науки занимают центральное место⁸⁷. Подчеркивая, что «нельзя аттестовать археологические источники просто как одну из разновидностей исторических источников», исследователь совершенно справедливо отмечает: «Историки, свободно пользуясь письменными источниками и самостоятельно проводя их источниковедческую обработку, не в силах столь же квалифицированно препарировать вещественные источники, особенно археологические, не говоря уже о том, чтобы запросто извлекать из них информацию. Историки нуждаются в предварительной обработке археологического материала специалистами-археологами»⁸⁸.

Развивая эту мысль, Л.С. Клейн обращает внимание на следующие моменты: «В сфере мышления и речи манипулировать непосредственно вещами невозможно. Без предварительной переработки информация, запечатленная в вещах, непригодна к научному использованию. Нужно ее перекодировать и притом дважды. Сначала ее нужно перевести с того, что фигурально называют “языком вещей”, на любой из естественных языков — русский, английский, немецкий и т.п. То есть описать вещи, их признаки и соотношения. На этом этапе гораздо больше, чем в истории, приходится пользоваться специальной терминологией. Затем, сопоставляя полученные сведения с другими, нужно установить, какие события и процессы произошли».

⁸⁶ Там же. С. 13–14.

⁸⁷ Клейн Л.С. Археологические источники: учеб. пособие. Л., 1978; Клейн Л.С. О языке вещей // Методологические аспекты археологических и этнографических исследований в Западной Сибири. Томск, 1981. С. 16–218; Клейн Л.С. Археологические источники: учеб. пособие. Изд. 2-е, доп. СПб., 1995; Клейн Л.С. Введение в теоретическую археологию: учеб. пособие. Кн. 1: Метаархеология. СПб., 2004.

⁸⁸ Там же. С. 103.

го отразились в описанных вещественных источниках. Только теперь информация обрела требуемую исторической наукой форму. Раньше думали, что это очень простая задача. Теперь же ясно, что осуществить требуемое перекодирование информации вещественных источников гораздо труднее, чем перевести текст с одного естественного языка на другой, скажем, с русского на немецкий. Ведь между естественными языками, несмотря на многозначность слов и гибкость их применений, практически установлено множество весьма узких соответствий, а контекст подскажет, которое из них выбрать. Вещественные источники гораздо более многозначны, полные списки всех возможных соответствий не составлены, а контекст зачастую нарушен»⁸⁹. Дело в том, что «обращаясь к вещественным древностям, исследователь наталкивается на двойной разрыв: в *традициях* (между далеким прошлым и нашим временем) и в *объективации*, т.е. в формах воплощения информации (разрыв между миром вещей и миром идей, которыми можно оперировать в науке). *Этот двойной разрыв — главная специфика археологических источников <...>*. Двойной разрыв создает особую, качественно новую трудность. <...> Она сказывается сильнее всего именно при переводе информации из вещественной формы в словесную. <...> Оба разрыва вместе, в сочетании как в археологии, приводят к радикальной изоляции ученого от прошлой действительности, к сокрушительному раздроблению целого, подчас к полной утрате смысла информации. Для его восстановления нужны какие-то внешние опоры — возможность привлечения дополнительной информации, которая бы позволила перебросить мостик от известного к неизвестному; знание смысла других археологических объектов, расшифрованных ранее; иные неархеологические источники о той же самой прошлой действительности; общие сведения о структуре объектов, подобных изучаемым; знание законов, по которым происходят и происходили воплощение идей в вещах и превращение вещей и событий в археологические следы и остатки и т.п. И нужна строгая и надежная методика использования этих знаний для восстановления утерянного смысла»⁹⁰.

Все эти вопросы нуждаются в дальнейшем специальном исследовании.

Итак, единственной надежной основой вербализации визуальных (в том числе рельефных) и вещественных источников являются источники письменные, связь с которыми должна быть доказана.

⁸⁹ Клейн Л.С. Введение в теоретическую археологию. С. 119, 123.

⁹⁰ Там же. С. 132–133.

1.4. АВТОР — ПЕРЕПИСЧИК — РЕДАКТОР

Одним из важных моментов текстологической работы историка является установление авторства. От того, насколько точно будет определен создатель изучаемого источника, в значительной степени зависит верное прочтение и понимание смысла текста. При этом следует различать автора, переписчика и редактора произведения. Роль каждого из них различна, при том что все они вносили свой вклад в «жизнь» изучаемого носителя ретроспективной информации.

В знаменитом эссе «Смерть автора» Р. Барт писал: «Фигура автора принадлежит новому времени; по-видимому, она формировалась нашим обществом по мере того, как с окончанием средних веков это общество стало открывать для себя <...> достоинство индивида, или, выражаясь более высоким слогом, “человеческой личности”. Логично поэтому, что в области литературы “личность” автора получила наибольшее признание в позитивизме <...>. Автор и поныне царит в учебниках истории литературы, в биографиях писателей, в журнальных интервью и в сознании самих литераторов <...>. В средостении того образа литературы, что бытует в нашей культуре, безраздельно царит автор, его личность, история его жизни, его вкусы и страсти <...>; объяснение произведения всякий раз ищут в создавшем его человеке, как будто в конечном счете сквозь более или менее прозрачную аллегоричность вымысла нам всякий раз “исповедуется” голос одного и того же лица — автора»⁹¹.

Одной из специфических особенностей средневековой и древнерусской литературы является ее абсолютная или относительная анонимность (когда, в лучшем случае, известно только имя создателя/редактора/переписчика текста).

В современном литературоведении установление авторства является одной из основных задач, решаемых, в частности, приемами и методами текстологии. Это весьма серьезный вопрос и для источниковедов Новой и Новейшей истории. Для ранних источников этот вопрос имеет гораздо меньшее значение. Здесь куда важнее установить, каково общественное положение автора, к какой социальной группе он относится и интересы которой представляет. Даже если имя создателя того или иного произведения известно, как правило, детали его биографии установить не удастся. Видимо, поэтому исследователи часто стремятся приписать известным авторам как можно больше произведений. Между тем, как отмечал М.В. Бибииков,

⁹¹ Барт Р. Смерть автора // Барт Р. Избранные работы: Семиотика. Поэтика. М., 1996. С. 385.

«для этой эпохи было характерно творчество на грани анонимности, когда автор стремился прежде всего выразить в художественном образе высшую мысль, идею, а не увековечить свое имя или утвердить авторство. Вечность идеи и универсализм переживаний высшего порядка были важнее, чем индивидуализм автора, считавшего себя не столько создателем, сколько интерпретатором мыслей и образов, близких всем, окружающим его»⁹². С этим связано и отсутствие представления о том, что в наше время называется авторским правом. Любой создатель текста считал себя вправе — и даже обязанным! — обильно цитировать знакомые ему (и потенциальным читателям) тексты, далеко не всегда ссылаясь на свой источник. Именно поэтому В.В. Виноградов подчеркивал: «Понятие авторства в средневековой литературе противоречиво и неясно. Границы между писателем-создателем литературного произведения, компилятором-составителем, “сводчиком”, редактором, а иногда и переписчиком, в древнерусской литературе нередко являются очень зыбкими»⁹³.

Эту мысль развил Д.С. Лихачев: «Здесь много неясного в самой своей основе: кого называть автором в древнерусской литературе и что называть его произведением, как отграничить одного автора от другого, автора от компилятора, компилятора от переписчика, различные произведения друг от друга, в какой мере показания идейного содержания и стиля могут считаться достоверными доказательствами принадлежности произведения тому или иному автору и т.д. <...> Даже в тех случаях, когда перед нами безусловно произведение одного автора, представляется иногда нелегким отделить его самостоятельную творческую работу от нетворческого включения заимствований из других памятников, обработки фольклорного или письменного материала». Здесь «одно и то же лицо часто выступает и как автор — для тех частей произведения, которые пишутся им самостоятельно, и как редактор — для тех частей, где им только обрабатываются предшествующие источники. Так часто бывает в летописании и хронографии, но так же бывает и в других сочинениях, по преимуществу исторического характера. Вот почему исследователи древней русской литературы нередко вынуждены говорить не об авторах, а о древнерусских “книжниках” вообще, или о компиляторах, “сводчиках”, летописцах и т.д., каждый раз применяя особый термин к тому роду работы, которая была выполнена по данному произведению. Понятие “автор” оказывается слишком общим и неточным в применении к большинству древнерусских произведений»⁹⁴. Впрочем, для произведений до XVIII в. этот вопрос, судя по всему, не явля-

⁹² Бибииков М.В. Афон и Русь: На перекрестке культур // Библиотека. 1999. № 9. С. 16.

⁹³ Виноградов В.В. Проблема авторства и теория стилей. М., 1961. С. 39.

⁹⁴ Лихачев Д.С. Текстология. С. 299–300.

ется принципиальным, поскольку здесь «категория индивидуального стиля не выступает как фактор литературной дифференциации и оценки произведений словесного творчества»⁹⁵. В это время текст в основном зависит от «жанра» произведения, тогда как автор вовсе не стремится сделать его уникальным и оригинальным. Мало того, ради придания весомости своему произведению, он часто готов приписать создаваемый текст иному — авторитетному в данное время — лицу. Это в еще большей степени делает ранние источники анонимными. Впрочем, приписать текст тому или иному «авторитету» склонны и современные исследователи. Хотя такая практика, как правило, дает ошибочный результат и обедняет наши представления о культуре изучаемого времени.

Иногда историки пытаются приписать изучаемый ими источник персонажам, просто упомянутым в том или ином тексте. Тогда, помимо имени (которое само по себе может не иметь никакого существенного значения для понимания текста) они стремятся еще и «восстановить» его биографию. На это также обращал внимание Д.С. Лихачев: «Нередко болезненное стремление к значительным выводам и “открытиям” [при атрибуции текста. — *И. Д.*] без уравнивающего это стремление чувства научной ответственности приводит к поспешным, хотя и эффективным выводам. Поскольку эффективные выводы легче всего удаются на значительных произведениях, — больше всего различного рода атрибуций было сделано в отношении известнейших памятников <...>. Особенно опасен путь, на который, к сожалению, очень часто становятся исследователи, — это путь приписывания одному более или менее известному автору тех или иных значительных произведений одновременной ему литературы»⁹⁶.

Подобную попытку приписать несколько анонимных произведений уже известному автору приводит Я.С. Лурье: «Перед историками и литературоведами постоянно возникает соблазн отыскать их автора, назвать какое-либо лицо, которое могло эти памятники создать. К числу таких атрибуций принадлежит, например, догадка Н.В. Водовозова (высказанная вслед за Х. Лопаревым), что “Слово о погибели Русской земли” и “Житие Александра Невского” написаны Даниилом Заточником — предполагаемым автором (и персонажем) памятника (или двух памятников) XII–XIII вв. — “Слова” или “Моления Даниила Заточника”. И в “Слове” Даниила и в “Житии” Александра авторы употребляют слово “ритори” (рыцари), именуют себя “рабами” князя и выступают сторонниками сильной княжеской власти. “Мог ли молчать Даниил, когда Русская земля лишилась такого великого сына, как Александр Невский? Если он был жив (а это вполне вероятно,

⁹⁵ Виноградов В.В. Проблема авторства и теории стилей. С. 45.

⁹⁶ Лихачев Д.С. Текстология. С. 301.

так как в год смерти Александра ему было бы лет 65 или только немногим более), то кто же, как не он, взялся бы за благородную задачу рассказать о жизни и подвигах такого человека, который не только соответствовал его идеалу главы государства, но и превосходил этот идеал?” — пишет Н.В. Водовозов⁹⁷. В этом случае, подчеркивает Я.С. Лурье, «речь идет не о гипотетических, а о гипоплетических (от *греч.* ἡ ὑπόληψις — догадка) атрибуциях, вытекающих не из эмпирической необходимости, а из простой возможности. Именно поэтому здесь не возникает проблемы альтернативного решения — иные возможности в таких случаях практически беспредельны. Если “Слово о погибели” и “Житие Александра Невского” создал не Даниил Заточник, то их написал другой древнерусский писатель, имя которого нам, к сожалению, неизвестно»⁹⁸. Такой вывод представляется гораздо более плодотворным, нежели ничем не обоснованные домыслы, поскольку «домысел в исторической и филологической науках существует только до установления его невозможности, т.е. по существу находится вне науки»⁹⁹.

Впрочем, если этого не удастся сделать, автор, порой, «воссоздается» на основании некоторых якобы присущих ему признаков, которые исследователь находит в анализируемом тексте. К сожалению, подобные «реконструкции» чаще всего свидетельствуют о незаурядной фантазии историка, но не имеют собственно научного значения¹⁰⁰.

Следует обратить внимание на то, что дополнение исходной догадки целым рядом других догадок и предположений не увеличивает доказательной силы исходной догадки: «Допустим, — пишет Я.С. Лурье, — что тот или иной историк захочет поискать какие-либо произведения Афанасия Никитина, кроме “Хожения за три моря”. Он выскажет догадку, что Никитин, тверич, не проявлявший враждебности к Москве, мог быть составителем тверского летописного свода середины XV в. (в составе Тверской летописи), проникнутого соответствующими тенденциями. К этой догадке нетрудно добавить еще несколько аналогичных. Никитин мог быть автором одного из анонимных Похвальных слов тверскому князю Борису, призывающих к “Слову” инока Фомы. Он мог быть, кроме того, автором “Повести о Басарге”, написанной во второй половине XV в.: герой этой повести, как и Никитин, — купец, в ней описываются заморские путешествия, автор обнаруживает патриотизм и прославляет стойкость в вере (“Кто, как

⁹⁷ Водовозов Н.В. Повесть XIII в. об Александре Невском // Ученые записки Моск. город. пед. ин-та им. В.П. Потемкина. Т. 67: Кафедра русской литературы. М., 1957. Вып. 6. С. 41–44; Водовозов Н.В. История древней русской литературы. М., 1966. С. 130.

⁹⁸ Лурье Я.С. О гипотезах и догадках в источниковедении // Лурье Я.С. Избранные письма и статьи. СПб., 2011. С. 81–82.

⁹⁹ Там же. С. 84, примеч. 21.

¹⁰⁰ См.: Экскурсы 7. Казус Кузмища Киянина.

не Никитин, мог...”). Увеличивают ли эти дополнительные предположения ценность исходной догадки и могут ли они на нее опираться? Очевидно, что никакое суммирование не способно обратить перечисленные здесь возможности в необходимость, хотя бы в необходимость гипотезы»¹⁰¹.

Приведенные примеры показывают, насколько далеки от требований научности могут быть результаты поиска автора, если они основываются не на реальных текстах, а на стремлении историка приписать исследуемый источник какому-нибудь известному лицу.

Атрибуция источника, помимо всего прочего, предполагает анализ *стилистических особенностей текста*. К настоящему времени разработана надежная система выявления языковых и стилистических особенностей авторов нарративных источников, основанная на теории определения общелитературных и индивидуальных стилей. При этом учитываются данные текстологии, истории русского литературного языка, исторической лексикологии, исторической грамматики и исторической лингвистики вообще.

Современные исследователи исходят из того, что стилистическое своеобразие каждого писателя выражается в совокупности устойчивых, вскрываемых статистикой закономерностей в употреблении слов и оборотов, в особенностях конструкции предложений, в общем построении произведения, в преимущественном обращении к тем или иным темам, в приемах описания и т.д. В связи с этим сейчас атрибуция повествовательных исторических источников часто строится на базе использования контент-анализа текста¹⁰². Совпадение статистических характеристик анонимного произведения и сочинений какого-то известного автора позволяет с большой степенью вероятности восстановить авторство этого писателя и в отношении атрибутируемого источника. Задача усложняется, если предполагаемые авторы неизвестны. Тогда историку приходится анализировать гораздо более широкий круг литературных памятников данного периода¹⁰³.

Примером атрибуции источника по стилистическим особенностям может служить работа Б.М. Клосса по установлению авторства Никоновского летописного свода. Сопоставление статистических характеристик оригинальных текстов Никоновской летописи со стилистическими особенностями 25 известных авторов XVI в., выраженными в математических показателях, позволило исследователю доказать тождество ее составителя

¹⁰¹ Лурье Я.С. О гипотезах и догадках в источниковедении. С. 88.

¹⁰² Шалак В.И. Современный контент-анализ. Приложения в области: политологии, социологии, культурологии, экономики, рекламы. М., 2004.

¹⁰³ Подробнее см.: Клосс Б.М. О статистических методах исследования текстов исторических источников // Математические методы в историко-экономических и историко-культурных исследованиях. М., 1977. С. 328–330; От Нестора до Фонвизина: Новые методы определения авторства / отв. ред. Л.В. Милов. М., 1994.

и митрополита Даниила. Этот вывод Б.М. Клосс подкрепил анализом идейной направленности этой летописи, в точности совпадающей с убеждениями Даниила¹⁰⁴.

Следует иметь в виду, что для выявления характерных черт стиля писателя необходимо иметь не менее нескольких десятков листов текста данного автора. Кроме того, нельзя забывать, что количественные отношения, изучаемые статистикой, в историческом исследовании неразрывно связаны с качественными характеристиками изучаемых явлений, которые обнаруживаются в ходе текстологической и исторической критики.

Полученный в ходе контент-анализа результат должен быть, по возможности, подтвержден иными аргументами. При атрибуции рукописных текстов лучшим подтверждением является автограф. В случаях, когда сохранилась подлинная рукопись, целиком написанная рукою автора или имеющая следы его собственных правок и дополнений, ее принадлежность какому-либо лицу проверяется или устанавливается по почерку, с помощью данных и методов палеографии.

В ряде случаев, в частности, при изучении летописей, важным признаком, позволяющим различать авторов, являются данные исторической хронологии — способ записи и точность дат, системы летосчисления, которые для этого используются. Хронологические признаки, например, широко использовали Б.А. Рыбаков, М.Х. Алешковский, А.Г. Кузьмин для выделения из состава различных летописей текстов, написанных разными авторами.

Иногда автор источника называет себя, но скрывается под *криптонимом*. Криптограмму (тайнопись) для обозначения своего имени использовали авторы литературных произведений в средние века и на Западе, и на Руси, так как открытое объявление имени считалось нескромным и даже греховным. Но именно поэтому авторы произведений таким путем пытались сохранять свое имя для потомства. Криптонимы, по словам Д.С. Лихачева, являются одним «из самых достоверных свидетельств о принадлежности сочинения тому или иному автору»¹⁰⁵.

К настоящему времени все известные древнерусские криптонимы расшифрованы. Эта работа основана на тщательном изучении палеографами способов тайного письма¹⁰⁶. Чтобы правильно прочитать криптоним, не-

¹⁰⁴ Клосс Б.М. Никоновский свод и русские летописи XVI–XVII вв. М., 1980. С. 96–130.

¹⁰⁵ Лихачев Д.С. Текстология. С. 321.

¹⁰⁶ См.: Соболевский А.И. Славяно-русская палеография. 2-е изд. СПб., 1908. С. 148; Карский Е.Ф. Славянская кирилловская палеография. 2-е изд. М., 1979. С. 249–258; Черепнин Л.В. Русская палеография. М., 1956. С. 262–266, 389–392; Щепкин В.Н. Русская палеография. Изд. 3-е, доп. М., 1999. С. 144–149.

обходимо уяснить, по какой системе он составлен, а затем произвести соответствующую замену знаков.

В одном сборнике Кирилло-Белозерского монастыря XV в. читаем: «Аще хочеши уведати имя писавшего книгу сию, и то ти напишю: десятирица сугубая и пятерица четвертицею; и един; десятирица дващи; и един; десятьа четыре сугубо и четырежди по пяти; дващи два с едином; единица с четвертицею сугубо»¹⁰⁷. Здесь используются числовые значения букв, и дешифруется она следующим образом:

Криптограмма	Ее цифровое значение	Буква
Десятерица сугубая и пятерица четвертицею	$10 \times 2 + 5 \times 4 = 20 + 20 = 40$	М
И един	1	а
Десятерица дващи	$10 \times 2 = 20$	к
И един	1	а
Десятьа четыре сугубо и четырежди по пяти	$10 \times 4 \times 2 + 4 \times 5 = 80 + 20 = 100$	р
Дващи два с едином	$2 \times 2 + 1 = 5$	е
Единица с четвертицею сугубо	$1 \times 4 \times 2 = 8$	и

Поставив полученные буквы в ряд, мы прочтем имя «писавшего книгу сию»: *Макареи*.

Итак, всякая попытка приписать текст тому или иному автору, переписчику или редактору должна основываться на детальном анализе текста.

Однако историки при работе с текстами используют еще одно понятие, которого нет в литературоведческой текстологии: *исторический источник*¹⁰⁸.

¹⁰⁷ Черепнин Л.В. Русская палеография. С. 392.

¹⁰⁸ Близкое понятие есть в языкознании: *лингвистический источник* (см., например: Котков С.И. Лингвистическое источниковедение и история русского языка. М., 1980).

Учебное издание
Серия «Учебники Высшей школы экономики»

Данилевский Игорь Николаевич

Историческая текстология

Зав. редакцией *Е.А. Бережнова*

Редактор *А.А. Архипова*

Дизайн обложки: *Д.Ю. Наумкин*

Компьютерная верстка и графика: *Н.Е. Пузанова*

Корректор *В.И. Каменева*

Формат 70×100/16. Гарнитура Newton
Печать струйная ролевая. Усл.-печ. л. 45,5. Уч.-изд. л. 33,4
Тираж 1000 экз. Изд. № 2228

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»
101000, Москва, ул. Мясницкая, 20,
тел.: (495) 772-95-90 доб. 15285

Отпечатано в АО «Первая Образцовая типография»
Филиал «Чеховский Печатный Двор»
142300, Московская обл., г. Чехов, ул. Полиграфистов, д. 1
www.chpd.ru, e-mail: sales@chpd.ru, тел.: 8 (499) 270-73-59